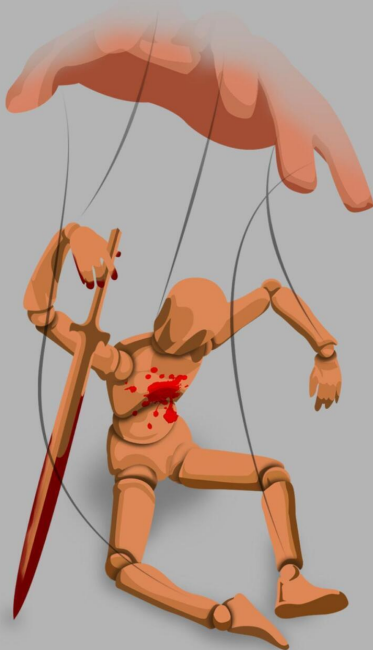

АЛЕКСЕЙ РУТЕНБУРГ

КРЕДО

ИНКВИЗИТОРА II

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Алексей Михайлович Рутенбург
Кредо инквизитора II
Серия «Кредо инквизитора», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71520514

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение приключений инквизитора Максима Панка, ставшего по воле случая отступником.

На этот раз главному герою предстоит отправиться из дождливого Санкт-Петербурга в Париж, город, в котором скрывался по молодости его наставник Вепрь, и познакомиться там с другим отступником 90-х годов – с Генри Шрифтом.

Какой он, Париж? Насколько сильны различия в работе инквизиторов России и Франции? Можно ли бросить в беде товарищей по ремеслу перед лицом неминуемой смерти? Как достойно жить и достойно умереть?

Содержание

Книга третья. В плену обстоятельств	4
Глава 1. «Мёртвый треугольник»	5
Глава 2. Увидеть Париж и не умереть	68
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Алексей Рутенбург

Кредо инквизитора II

Книга третья. В плену обстоятельств

«Хочется много денег

И ничего не делать.

Главное – не работать,

И каждый день в кабак.»

© Панк-группа «Бригадный Подряд»

Глава 1. «Мёртвый треугольник»

Вот одно на уме только: «Спасибо, Боже, что мне так весело». Хотелось, значит, деньжат по-лёгкому срубить – а тут гибелью моей близкой аж за версту несёт. И мой вам совет: не имейте дел с сомнительными личностями, особенно, я повторю, особенно связанными с криминальным миром. Попал по самые помидоры, но, как говорится – выхода нет только из гроба...

Угораздило меня оказаться в это прекрасное майское немного прохладное утро на берегу живописного озера. Вода так и манит к себе, рябит, и переливаются попадающие на неё лучи восходящего солнца. Лёгкий ветерок, от которого уже начинает немного болеть голова: кислорода после города слишком много, и сырая земля, которую я ощущаю всей своей спиной и порядком уже, зараза, замёрз, етить его на лево. И вместо того, чтобы раскинуть палатку, жарить шашлычки, потягивать пиво и банально греться у костра, конечно, любуясь здешними красотами, я лежу с простреленным плечом, вжавшись в землю, и пытаюсь ещё больше спрятаться за кусок чёртовой бетонной плиты. Спокойствие, главное сейчас думать, как бы не остаться в этой земле! Даже не покурить, зараза! Светлеет с каждой минутой, которые быстро капая, наполняя чаши между жизнью и смертью. Ещё совсем немного и мишень на моей башке начнёт расти в гео-

метрической прогрессии и выделится ярко жёлтым цветом лидера, в моём случае – цвета уже, надеюсь, быстрой смерти!

В общем, забудем на секунду про моё нынешнее положение и окунёмся в историю, как я попал в столь беспросветную ж... кхм, ситуацию. Извиняюсь, но другие слова в голову просто не лезут.

Чем заниматься человеку, которого для всего мира не существует? Конечно, есть липовые документы, но светить их лучше крайне редко. Значит, перебивался я мелкими заработками, выходил на овощебазы грузчиком по ночам (им-то мои документы совершенно не нужны), ну и занимался совсем неинтересными делами. Только подумать – у меня для их людского мира есть высшее образование, но меня для них – нет. Вот так-то... тяжёлая доля отступника. Выходит так, что и инквизиторам было бы лучше, чтобы меня не было, но не трогают – и ладно. Хотя в чём-то помогают, например, Стая голодной смертью сдохнуть не даёт. Как раз они и предложили мне сотрудничать на довольно неплохих условиях. Знали бы вы, сколько аномальных зон раскинули свои когти по нашей стране. Да в одной Ленинградской области их немерено. Стаявцы – не дураки, свои члены в костёр совать не будут, а всякие неведомые безделушки-артефакты им подавай, а то их прилизанным ухоженным лабораторным крысам, учёным, просто жёсть как скучно. А я нахожусь в такой жизненной ситуации, что хоть объявление в интернет да по газетам раздавай: «изгоню, значит, злых духов за скромный

гонорар, за пожарть, блин!» Ну и, в общем...

Есть люди, которые в моей ситуации узнают свою. Может, тяжёлые жизненные обстоятельства, кто-то из-за нежелания что-то изменить. Нет возможности устроиться на постоянную работу, у меня из-за того, что я просто не существую, а на липовые документы, которыми нас снабжал Центр, нет возможности надеяться. Я сам загнал себя в тупик. Выживаю, как приходится, как получается, но вы, люди, которые есть, которые живут, сами нелепым образом бросаете себя в подобные ситуации. Кризисы, безработица – это понятное дело, обвал курса валют... Но, мне кажется, даже дипломированный специалист, попавший в колею неудач, не должен отказываться от халтур, тем более, если он считает, что в его ситуации виновен кто-то другой. Что мешает просто заработать? Страх? Потому что больше половины людей хотят жить и ни в чём себе не отказывать, боятся тяжёлой, грязной работы. Боятся каждый день приходить домой уставшими и падать спать с мыслями, что завтра снова придётся возвращаться в этот так называемый ими «ад». Никогда не будет так, чтобы все работали чисто и не пачкались, и, конечно, при всём этом оставались при хорошем заработке. Нам всегда предоставляют выбор: хочешь – учись, устраивайся на работу и не парься, а если чувствуешь, что это не твоё – ищи счастье на чужом поле, где всё уже разобрано и поделено. Агитировать что-то менять – это удел ребят, которые

на чужом горбу хотят вознестись до небес. А что там: те же митингующие, просто продолжают так же работать, на мгновение им покажется, что они выиграли, но нужна ли им эта победа? Никто загодя не скажет, чем обернётся резкий переворот. «Извините, мы ошиблись! Валите дальше подышать за копейки», скажут им. Изменится только верх, только самая верхушка горы. Старая растает – новая заморозится...

Я же, уповая на своё физическое превосходство над обычным среднестатистическим человеком, мог выполнять более сложные задания. Мог идти туда, куда здравомыслящий человек никогда не сунется. На своём «я» я и попал...

Есть одно такое место, только я вам адреса не раскрою, поверьте мне, лучше в такие места экскурсии не водить, а то много людей в этих местах умирает. В городах – там всё ясно – чуть что, сразу рейд и биться с нечистью, очищать родные места. А в местах, где населённые пункты километрах в десяти-пятнадцати находятся? Там плачевнее дела обстоят. Есть и ещё хуже. Например, тут, где я сейчас оказался. Тут деревенька была, но опустела, да и так много нехорошего происходило. Один случай расскажу: приехали на это чудесное озеро четверо молодых людей отдохнуть. Двое мужчин и две женщины, короче, классика жанра. И, вроде, всё прекрасно, выпивают, радуются жизни, но хлоп: один из мужчин режет горло второму, сбрасывает труп в то самое озеро, избивает до полусмерти девушку и голыми руками сворачи-

вает ей шею. Согласитесь, малоприятное зрелище. Насилует вторую, потом кончает и её, правда, после долгих издевательств. А потом, догадайтесь, куда направляются их тела? Правильно, в то же озеро. После жаркого барбекю убийца топится в том же водоёме, может, от злости на себя, может, из-за непонимания ситуации, но на вид просто из бешенства. Короче, причина неясна и, главное, не понятно, что это за резкий приступ превращения в дикое животное? В общем, счастливый пикничок превращается в кровавое шоу.

За последние несколько лет здесь сгинули почти триста человек. Стаявцы единственные заинтересовались и начали исследовать столь необычную аномальную зону. Мучения и пытки, страх и мерзость, сколько ужаса пережили учёные придя сюда. Да и инквизиторам неплохо досталось, а тем, которые чувствуют происходящее в пространстве, совсем плохо было. Короче, всех пришлых пришлось быстро эвакуировать с мёртвого треугольника, как его окрестили в, можно сказать, близлежащем населённом пункте. После долгих исследований учёные смогли определить масштабы зоны – четыре на четыре километра. Территория не очень большая, но что на неё действует, так понять никто не смог. Только симптомы, реакция и результат. Обычный человек, находящийся в этой зоне, через час-полтора, максимум через два, начнёт чувствовать головную боль. Возможны кратковременные, но регулярные контузии, слабых может взять озноб и тошнота. Самое страшное, что между симптомом и

реакцией очень короткий промежуток времени. Через полчаса появляется животная агрессия на всё, ненависть к каждому живому организму и с каждой минутой усиливающаяся жажда убивать. Через ещё полчаса, максимум час, уже никого в живых на территории нет. У инквизиторов всё происходит дольше, возможно, сказывается сильный организм: через два-три часа – симптомы, ещё через полтора-два часа – реакция, конечный итог – через час после проявления агрессии. Время может меняться в зависимости от близости нахождения объекта к центру, откуда идёт воздействие.

Стаявцы пошли на самый отчаянный шаг: послать экспедицию к центру зоны для выявления источника излучения. Был сформирован отряд из инквизиторов только высшего ранга в количестве четырёх человек, только опытные, проверенные временем бойцы. Но план потерпел фиаско, ни один из участников не вернулся.

И тут поступает мне предложение, коль деньги нужны – сходи. Вот я дурак и пошёл, а одному стрёмно. Завязал знакомство с представителями другой стороны людского закона. Им плевать на такие слова, как «артефакт» и «аномалия», а на такие слова, как миллион на четверых – это уже другое дело. Да я и сам на лаве глаз положил. Что ж здесь такое, что Стая решила позволить себе так раскошелиться? Вопрос...

Позавчера вечером я приехал в город областного значения, находящийся ближе всего к месту моей будущей экс-

педиции. Мне было необходимо найти местного аборигена, знающего эти места, людей для совместного путешествия и собрать любые сведения. Из зоны никто не возвращался, поэтому я не знал, чего ждать. В принципе, на тот момент о месте, в которое собирался, я вообще ничего не знал, а это сверх глупо и опасно. Я пошёл простым логическим путём: где могут быть люди, знающие какую-либо информацию? В местном баре. Помимо бомонда и малолеток в таких местах иногда висают люди, познавшие прелести жизни. Но до бара я дойти не успел, меня перехватили тамошние инквизиторы.

У них, как я понял, по сравнению с нашим, очень развита проблема с иерархией и субординацией. Например, с чужим инквизитором, в данном случае со мной, мог общаться только старший патруля. Вообще в рейде их было трое: один опытный и двое салаг. Одеты как обычные бродяги, наша порода. Берцы, у одного джинсы, а у старшего и второго салаги армейские штаны. Парень в джинсах был в кожаной куртке, особых подробностей я не видел, старший и его маленькая копия – в свитерах и ветровках. Меня поразило, что все трое лысые, это, наверно, только у нас принято ни хрена не стричься, а потом вшей с блохами разводить, ну да ладно. Старший подошёл ко мне.

– Привет, брат, – мягким, проникновенным, довольно приятным голосом сказал он мне. Не узнать инквизитора – это нужно быть отбитым идиотом. Как говорится, рыбак ры-

бака, ну понятно, короче.

– Добре, пани, – съязвил я и улыбнулся.

– Где ж ты тут пановых-то, увидел? – Засмеялся мой случайный знакомый. Смех – лучшее лекарство и отличный помощник понять, как к тебе расположен собеседник. Можно попытаться подделывать смех, но неискренность ударит сильно по глазам, а если человек смеётся открыто и чисто с незнакомцем, стало быть, подвоха не стоит ждать, но расслабляться, поддаваясь этому чувству, не стоило.

– Да нигде. Я по делу, – резко кинул я, сбросив с себя улыбку. Инквизитор заметно напрягся, словно приготовившись к бою.

Он – мужчина лет тридцати, на пару лет всего постарше меня, через зубы втянул в себя воздух, почесал левое ухо и посмотрел прямо мне в глаза. Честно говоря, не люблю, когда смотрят прямо в глаза, становится очень неуютно, но отрываться и проигрывать этот бой в гляделки ни в коем случае нельзя. Уберёшь взгляд – проявишь слабость, поэтому из последних сил, через жжение в висках, смотришь.

– Без дел по миру не шаримся. Отойдём? – Предложил он, и мы не спеша побрели в сторону.

Уединились, расстояния хватало, чтобы мелочь ничего не слышала.

– Ты сам чей будешь? – Спросил он.

– Да сам с Питера. Панком кличут, пришёл одно местечко «забавное» посетить. Вроде как, экскурсия, может, что под-

скажешь за поход мой?

– Интересно. Меня Снегирём зовут, а в это «забавное» место и шлюха за миллиард не полезет. Лучше тебе экскурсию в другом месте организовать, поверь мне. Вот так-то.

– Эва как? – «В какое же место меня упрямого ведёт жажда безбедной жизни?» Задался я вопросом.

– Зря смеёшься. Ваш брат здесь уже полазил, еле живым уполз, а те, кто сунулся поглубже, таки вообще сгинули без следа, словно их и не было вовсе.

– Так и нас нет, – заметил я и добавил. – Ты уверен, что мы за одно место базар ведём?

– Я-то уверен, а ты точно хорошо подумал, что хочешь туда? Там билеты в один конец, только в путь, выдают.

Что-то мне на глазах подурнело, но ведь не остановишься на полпути. Работодатель явно не оценит такого.

– Мне нужен проводник и пара богатырей. Поможешь?

– Нет, друг. Я инквизиторов изводить не позволю. Шкуры не жалко своей – сам и лезь. Если хочешь попутчиков в ад и обратно, это милости просим к бандюганам местным. Они за приличные лаве у дьявола на спине польку станцуют. – Снегирь был очень недоволен ходом моих мыслей, и было видно, что разговор вот-вот и оборвётся.

– Сведи меня с ними? Дальше я сам, – я не хотел упускать любую помощь. Одному мне точно край.

– Как знаешь, брат..., как знаешь..., – покачал он недовольно головой и вздохнул, взглянув на меня. – Идём.

Снегирь повёл меня в бар.

Бары все на одно лицо. Неплохая музыка, по крайней мере, не попса. Все столики заняты, достаточно темно и пахнет куревом, хотя в зале курить запрещено. Длинные проходы и в центре освобождена маленькая зона для танцевальной площадки.

– Выпей чего-нибудь, я через минуту, – сказал мне Снегирь и удалился.

Я сел за стойку и заказал стаканчик пива. Двое других инквизиторов остались со мной, но молчали, как рыбы, видать, боялись старшего. Я посмотрел на бармена: это был светлый парень, лет двадцати трёх с маленькой бородкой.

– Браток, я закурю? – Сквозь шум докричался я до него.

– Полтинник в стакан и кури на здоровье, – посмеялся он и продолжил своё волшебство.

Справа от меня, возле кассового аппарата стоял картонный стакан с надписью «на чай», я положил туда пятьдесят рублей и закурил. Парень за стойкой щедро выделил мне пепельницу. Слушая музыку и втягивая табачный дым, я повернулся и увидел Дашу. Моё сердце замерло, как тысячи раз до этого, стало тяжело дышать. Она стояла в конце зала в мягком белом платье, прикусывала свою нижнюю губу и нежно руками ласкала свою таллию. Я смотрел, не моргая, и боялся оторваться. Меня затрясло. Она медленно и плавно танцевала под свою музыку, музыку небес, тянула ко мне

свои руки и смеялась надо мной. Её блистательная улыбка осветила весь зал для меня. Я почувствовал, как глаза наполняют слёзы. Весь этот год она не покидает, весь год мучает. Кто она для меня – стыд или ангел-хранитель? Моя боль, моя смерть или мой спаситель?

Сигарета в руке почти истлела, и уголёк обжег мне пальцы. Резко одёрнувшись, я прислонился губами к месту ожога, естественно, потеряв её из вида. Когда же снова посмотрел в конец зала, Даши не было, но оттуда тянуло холодом и нежным ароматом её духов...

Я залпом выпил кружку пива и закурил новую сигарету. Через пару минут появился Снегирь и сказал, посмотрев на меня:

– За дальним столиком, справа. Удачи тебе, – он махнул на выход и двое его подопечных уныло поплелись следом за ним.

– Спасибо, – сказал я и начал вставать с длинного стула.

– И Панк..., – вслед крикнул он.

– Что? – Я обернулся.

– Четыре часа! Это спасёт тебе жизнь, – громко и отчётливо сказал он, но я не понял, к чему это было сказано.

Я пытался через дым и шум остановить его, но он со своими ручными мартышками удалился. Я вздохнул: «Что за четыре часа? Какие четыре часа? К чему вообще сказал?». Эх, делать нечего, я направился по указанному маршруту, к самому дальнему столику.

За столиком сидело двое парней, мои ровесники. На столе стояли кружки с пивом, а сами они были заняты объеданием костей сушёной рыбы. Не дожидаясь приглашения, я присел.

– Ты – Панк? – Сиплым голосом спросил парень, сидевший напротив меня.

– Есть такое дело, – спокойно ответил я.

– Если тебе чего перетереть надо, то это со мной. Зовут меня Бахром Леопольдович.

– Да не валяй копыта, Баха, – с ухмылкой сказал ему второй.

– Цыц, сявка. Мы тут за дела базарить будем, – заткнул его мой неприятный собеседник.

Меня их жаргонный выпендрёж уже достал, а я только подошёл. Надо этот балаган прекращать, поэтому сразу в лоб.

– Миллион на всех, за всё, – и ткнул пальцем на карте в место, куда мне нужно.

Мужчина, с которым я не общался, сильно закашлял, подавившись костью, а у моего собеседника глаза не могли найти на лбу общую точку соприкосновения. Я, в ожидании их ответа, взял целую кружку пива, стоявшую на столе, и сделал пару хороших глотков. Парень, наконец, собрал свои глаза со лба и, отпив пива, мягко сказал.

– Сколько? – Его сиплый голос звучал настолько смешно, что я чуть не засмеялся, а его рот, как он не старался, всё равно приоткрылся.

После паузы, видно пьяный мозг пытается найти в себе остатки знаний по математике из школы в девять классов, он вдохнул и без наездов, без жаргона, без всякой другой показной хрени, сказал:

– Я – Баха, это – Ник, – он показал мне на парня, который всё ещё кашлял, – а третьего нашего зовут Шурик, он сейчас с малявкой лямуров гоняет.

– Прекрасно. Вот и поговорили, – усмехнулся я и допил пиво.

Дальше мы обсудили детали сделки, договорились о времени и разошлись. Хотя, по-моему, детали и все дальнейшие обсуждения бежали просто мимо них. В их глазах щелкали лёгкие, по их мнению, деньги.

На следующий день мы встретились на выезде из города, меня подобрали на микроавтобусе, и, собравши воедино нашу экспедицию, мы направились к «мёртвому треугольнику». От города сие место находилось километрах в сорока. Подвох в том, что дороги как таковой туда не было и примерно четверть пути пришлось следовать пешком. Баха, Ник, Шурик, я и водитель, мне его не представили. Мужик под два метра ростом, кулак с моё лицо, он был просто огромным, но молчаливым. Парни словно на войну собрались: автоматы, камуфляж, сапоги, гранаты, ножи. Шурик – третий из этой шайки, с которым мне вчера не довелось познакомиться, оказался совершенно непохож на своих коллег. Он

был слишком интеллигентным на их фоне, да и на вид щуплый, маленький какой-то и печальный. Баха и Ник цеплялись к нему всю дорогу, он был вроде как объект для их насмешек, видно было, что слова местных орангутанов били в больные места, но Шурик держался, не поддавался на провокации и со временем эти недолюди отставали от него ненадолго. Я и Шурик сидели друг напротив друга в конце кабины, возле запасного выхода, намертво закрытого, а наши острые на язык коллеги, отбитые уголовники – впереди, сразу за водителем.

– За какую малую эти ящурь ты треплут? – Спросил я, приблизившись к собеседнику.

– Да пошли они, идиоты. Это сестра моя младшая, но им об этом лучше не стоит знать, и так много обо мне знают, а это плохо в подобном окружении, но не утаить..., – грустно сказал Шурик.

– Понимаю, – спокойно добавил я, и нехотя провёл аналогию со своей средой.

– Я её очень редко вижу, – сказал он, глядя на свиней, сидящих впереди нас.

– Ты ведь не такой. Зачем ты влез в это вообще? – Удивился я и немного наехал на своего собеседника, дабы пробудить в нём желание другой жизни.

– Родители наши погибли лет пять назад, образования у меня нет, а сестру надо было вытягивать, вот и связался на свою голову..., а сейчас.... Мне никто выйти из дела не даст.

И мне голову откроют, и ей, – грустно прошептал он.

– Картина маслом. И много чего видел?

– Достаточно, чтобы стать трупом. Пойми, эти двое красуются перед всеми, что они могут, какие они крутые, а на деле сами шестёрки. Не понимаю, как вообще им дали добро на подобный замут. Было, конечно, они живьём в бетон людей закатывали, решали локальные проблемы.... Они делают ужасные вещи, чтобы другие боялись, чтобы не потерять авторитет, а так..., без оружия, они – никто.

– Ясно. Ты не парься, – улыбнулся я. – Всё гладко пройдёт, богатыми все будем, – утешил я его.

– Зря ты с ними связался. Для подобных им достаточно никогда не будет, а мне уже хватит, но не уйти, – Шурик опустил глаза. – И ещё, Панк, смотри в оба. Я-то не рыпнусь, мне резонна нет, а эти могут свою гниль показать, да как бы поздно не было. Ты этих людей не знаешь, как я.

– Максом меня зовут, если что. А за совет спасибо, учту.

Мне совершенно не нравилась ситуация, в которую я попал. Атмосфера накалялась, коллеги тоже доверия не внушали и, наверное, в тот момент надо было это «Шапито» закончить. Видно, совсем я своё инквизиторское чутьё упустил или банальная жажда денег отвлекла. Из-за них у меня притупился инстинкт самосохранения.

Машина резко остановилась.

– Приехали, детишки, поть сюды. На выход, хватит там, в углу, трепаться, – сказал Баха и, открыв дверцу, выпрыгнул

из салона.

Вышли и мы. На улице уже была ночь. Было темно и прохладно. Мои сегодняшние попутчики начали проверять снаряжение перед выходом. Как я успел уже заметить, собрались они совсем не дурно, а у меня только меч и выкидных ножей целый пояс – если что начнется, будет совсем не сладко.

– Панкуша, ты вообще святой, как я погляжу, – засмеялся Баха. – Шо ты этими железячками сделать-то сможешь, а? – Как же меня уже тошнило от их жаргона и наездов.

– В зубах поковыряюсь, – резко ответил я. – Куда нам? – Второй тревожный звонок где-то прямо в груди. Они оценивают моё снаряжение, думают, насколько я опасен для них, хотя, возможно, насколько полезен в бою. Напрягся я не на шутку. Контроль, спокойствие, если бы что-то началось, они и перезарядить автоматы не успели бы. Я в хорошей физической форме, в отличном нервном состоянии, плюс неожиданность. Вряд ли они видят во мне опасность.

– Таки вот так и прямо до самого озера, мимо него не пройдем, как ни крути, – заумничал Ник и подозрительно осмотрел меня, словно я бык на продажу, а он на глаз прикидывает мой вес.

– Шо вы на меня ваши гляделки вытаращили, на мне узоров нет, и я вам не газета, – ответил я в их же манере. Вроде смешно и легко, но с наездом. Достали, уже в наглуую пилиться.

– Куртка хороша, жаль будет, если пропадёт, – холодно и резко изменившись в лице, сказал Ник и сплюнул, не отрывая от меня глаз. Опа! Тревожный звонок забил, как колокол на вышке собора, зазывая людей. Спокойно.

– Так ты сделай так, чтобы не сгинула! Ни куртка, ни хозяин. За что лаве светит то, не за прогулку по бульвару ведь, – продолжал смеяться Баха. Грубо, однако, но пока они не знают за деньги, я буду в полном порядке. Пока у них только предположения и догадки.

Проверив снаряжение, мы выдвинулись в указанном направлении, первым шёл Ник, затем Шурик, третьим – я, за мной Баха и замыкал водитель.

– Водила с нами, нас получается пятеро, – заметил я.

– Да ты прям математик, а что, есть возражения? – Поинтересовался Баха.

– Миллион на пятерых или четверых. Вот и вся разница, – пробормотал я.

– Мы можем и остаться! А ты сам шуруй туда, – резко бросил он.

– Да я не против него, не подумайте лишнего. В компании не скучно, – улыбнулся я.

Мы проходили по лесным протоптанным дорожкам и тут меня снова кольнуло от вопроса старшего.

– Панк, а ты лаве при себе имеешь? – Спокойно поинтересовался главарь банды этих неприятных элементов.

– С какой целью интересуешься? – Напряженно ответил я

вопросом на его вопрос. Шурик резко повернулся, посмотрел на меня и на Баху. В его взгляде читалась тревога и страх.

– Просто интересно, когда расчёт будет, – пояснил он.

– В деле передачи денег я всего лишь посредник. У меня заказ: надо сходить туда, прихватить интересную вещьцу, доставить до заказчика, он рассчитывается со мной, а я со всеми вами, – спокойно, стараясь оттягивать грань нервного срыва, объяснил я. – Вчера ведь всё оговорили.

– Да-да помню. Только вот где гарантии, что ты не пропадёшь с деньгами, – почесал он затылок.

– Никаких. Доволен? – Я специально засмеялся. Пусть они дёргаются.

– Вот именно, что нет, – занервничал уже он. – Гарантий.

Я резко развернулся к Бахе и сблизился так, что мы смотрели друг другу глаза в глаза. Касались лбами, как бараны, и чуть ли не касались кончиками носов.

– Ты имеешь, что предъявить? Или за падаль меня держишь? – На самом деле меня не злила настолько сильно сложившаяся ситуация, чтобы терять контроль, просто я дал ему то, что он хотел. Видимость. Иллюзию того, что я на нервах.

– Я тебя не знаю. И ребята мои тебя не знают.

– Вас четверо, а я один. На моём месте ты стал бы совершать глупости?

– Но я не на твоём месте.

Диалог наш оборвался, и мы продолжили в тишине ид-

ти вперёд. Под ногами хрустели ломающиеся ветки, хлюпала вода и грязь под сапогами. К трём ночи мы вышли из леса и увидели впереди, приблизительно в полукилометре от нас, озеро.

– Пришли, – сказал сильным голосом Баха.

– В смысле? – Удивился я.

– Вот озеро, где народу, как мух подохло. И городские ужасы почти все к этому месту отсылают.

Ничего необычного на первый взгляд, да и после длительного изучения тоже. Озеро чуть вперёд, справа чисто полюшко, с редкими полосами зарослей. За озером, ещё вперёд, туда дальше, деревянные постройки виднеются.

– Баха, за то, что я сюда пришёл и посмотрел, никто лаве не отвесит. Мне нужен артефакт, который относится к этой земле, именно к этому месту, – я совершенно не понимал, что происходит. Мы не встретили ни страшных чудовищ по дороге, никого. Зачем меня сюда послала Стая? Что им нужно?

– Камней тебе надо, иди к озеру да насобирай. Ты сказал привести, мы привели. Дальше ковырайся в земле, что хочешь, то и делай. Мне по краям твои дела, – сказав это, он кинул автомат на плечо и закурил.

Что и следовало доказать, вчера, в принципе, все подробности нашей вылазки пролетели мимо их ушей. Ну, что же делать, придётся идти глубже и надеяться, что артефакты не знамо как сами себя обнаружат. Только к озеру не шибко хо-

телось соваться, эта водица совсем не внушала доверия.

А вы думали, сколько огня в каждом из нас? Человек – это настоящая сила. Это дикая машина, в хорошем смысле этого слова, которая со временем только познаёт себя и, к счастью, не лишена чувств и разума. На что мы способны, на что способен наш разум? Дело не в том, что мы будто бы гениальное сверх творение Создателя. Нет, я не об этом...

Мы можем быть стократ опаснее и кровожаднее любого хищника. Можем этим внутренним огнём, выпуская его наружу, разрушить, утопить этот мир, всё и всех в крови и в слезах. Но ведь благодаря этому же огню можем создавать произведения искусства, создавать любовь и поддерживать чью-то жизнь. Во всём, в каждом нашем деянии есть частица этого яркого, обжигающего, острого и опасного огня.

Разрушения, хаос. Какой огонь горит во время зверских кровопролитий? Это огонь нетерпимости, огонь злобы, жажды, ненависти; такой огонь горит в глазах патриотически свихнувшихся марширующих солдат, бойцов, идущих захватывать чужую родину. Их так повернули, им промыли мозги, в их венах течёт речь старого маразматика, рвущего глотку с трибуны: во благо своей нации они якобы несут спасение...

Огонь фанатичных приверженцев своей веры, с детства впитавших, что только им принадлежит эта земля, что именно они – оружие своего бога. Для них огонь агрессии и нена-

висти красиво спрятан за великим смыслом. Из-за них кровь будет литься всегда. Даже если официально война не объявлена и все согласны мирно сосуществовать. Они живут войной, живут слезами и кровью своих врагов. И тут вопрос из вышесказанного: откуда они знают, кто враг? Им сказали «свыше». Мне кажется, это «свыше» не есть проявление внеземных сил...

Но ведь есть и огонь во имя спасения, так скажем, ответная реакция. «*Si vis pacem, para bellum*», иначе говоря «Хочешь мира – готовься к войне». Этому высказыванию, этой фразе уже больше двух тысяч лет. Вспомним автора – римский историк Корнелий Непот. Так вот, я к тому, что в глазах защитников, что не щадя себя спасают других людей, в их глазах тоже есть огонь, он горит за родину, за спасение любимых людей, за детей, за предков, за всё, что стоит сохранить для потомков. Этим бойцам никто не говорит, что надо делать. Они стоят на последнем рубеже между продолжением жизни и хаосом, за которым только забвение и пыль...

А если рассматривать ситуацию не глобального масштаба, а когда в опасности жизнь одного человека. Я говорю о службах, находящихся каждую секунду в готовности: о спасателях, о врачах. Их невидимые подвиги, о которых мало слагают легенд и не так много пишут песен. Нам в глаза больше бросаются неудачи, мы чаще цепляемся за их провалы. Такие уж мы – люди, больше замечаем негатив.

И меня интересует, а что если бы всем были даны сверх-

силы? Во что бы ты направил свой огонь, если бы смог достать его изнутри себя?

Кто убивал и развязывал войны, так бы и продолжал... Кто, слушая их, шёл разрушать – так бы и шёл... Кто защищал то, что дорого его сердцу, так бы и умирал, не сходя со своего рубежа... Всё было бы также, только в другом формате. Единственное отличие, что появились бы те, кто своим огнём сжигал бы себя сам.

Может, поэтому сила дана, но далеко не всем и важно, чтобы эти редкие счастливики или проклятые неудачники нашли своё значение в этом мире и не сбивались со своего пути, иначе всё изменится...

Я как проклятый битый час рыскал по сырой земле этого мёртвого поля в поисках неизвестного. Под ногами хлюпала грязь и хрустели обломки камыша. Близился рассвет, организм в четыре-то утра должен спать, а не бодрствовать, как бабуин окаянный, возможно из-за этого моим коллегам становилось хуже. Хотя они-то как раз ничего не делали, сидели и ждали, когда всё меня достанет, и мы развернёмся ближе к дому, где они получают свой гонорар за прогулку на свежем воздухе. А мне уходить с пустыми руками нельзя, заказ взят! А, значит, надо выполнять, не хотелось бы лишний раз настраивать инквизиторов против себя, ведь клеймо отступника, которого нужно грохнуть, с меня никто не снимал. Ситуация с ними пока непонятная и не хочется её колебать. Ме-

ня, вроде, даже всё устраивает: не трогают, жить дают. Мне и скрываться от них не нужно. Инквизиторы, видя меня на улице, только здороваются со мной и всё. Никаких наездов, никаких попыток убить меня. Уже год живу как свободный гражданин, только без работы и немного не существую, но это мелочи.

Шурика тошнило, он стоял на четвереньках, сжимая сырую траву, будто искал помощи в ней. Водила, этот здоровый засранец, стоял над ним и злился, оскорбляя его плаксой, слизняком и угодом. Баху вело, его шея и голова плыли по воздуху, словно он змея. У него расплывалось всё в глазах. Но, несмотря на своё плохое самочувствие, у него хватало сил злиться. Его трясло от ярости без причин, он был весь красный и казалось, что вот-вот взорвётся. Ник стоял и курил, его тоже нервно потряхивало, скорее всего тоже неважно себя чувствует, его пару раз подташнивало, не так сильно, конечно, как Шурика, но всё же. У меня слегка ломило виски, боль была терпимой, и я на неё не обращал внимания. Я продолжал лихорадочно искать то, что мне нужно, понятия не имея, что это.

«Деньги... у него... у него... у него... всё... у него... день... день... деньги... у не... у... него... у... го... не... день... деньги... го», у Бахи помимо и так его плохого состояния добавились яркие галлюцинации. Он слышал, как десяток голосов попадали в его слуховые проходы.

– Деньги, Панк, – громко и отчётливо произнёс он.

– Что? – Я повернулся. Баха стоял в пяти метрах от меня, если принять меня за транспортёр, то градусов на сто пятьдесят от нуля, то есть, грубо говоря, спереди-слева. Метрах в двух передо мной стоял Ник и, повернув голову набок, пальцем ковырял ушную раковину, словил контузию. Метрах в десяти в просвете между ними были блюющий Шурик и над ним возвышающийся цербер водитель. От слов Бахи запахло жареным, поэтому я в несколько брошенных взглядов оценил ситуацию.

– Гони лаве! – Крикнул, стиснув зубы со злостью Баха, и левую руку положил на автомат.

– Ты за идиота меня держишь? Нет у меня денег! – Громко и доходчиво заявил я на повышенных тонах. У меня ведь и правда их не было, а ложиться здесь костями, не входило в мои планы.

«Денег... денег... у меня... держишь... у меня... деньги... держи... деньги... у меня...» эхом разбившись и изменившись, мои слова ударили в голову Нику.

– Деньги? – Как зомбированный какой-то сказал он. Его зрачки расширились, рот приоткрылся, и дёрнулись плечи. Опаньки, не ждали, как говорится. Опасность. Теперь ситуация, как партнёрша в танце, выскользнула из моих рук. Ник смотрел на меня, я на него, но стараясь не выпускать из поля зрения и остальных участников бала. Ник дёрнулся... Мгновение, минута и он изрешетит меня. Я свои открытые ладони направил сначала к земле, а затем к груди. В их понимании я

показываю «спокойно, спокойно...», это на подсознательном уровне так воспринимается сей жест. Я не сводил глаз с Ника, теперь он представлял для меня большую опасность, как мне показалось, он был ближе всех. Ножи наготове, только дёрнись и ты не успеешь воспользоваться автоматом. Метательные ножи на моём поясе единственное, что мне сейчас может помочь.

– Тихо..., тихо, – убаюкивающе произнёс я. Затишье перед началом, никто не двигается, даже Шурик перестал блевать. И в самый неподходящий момент у меня жутко зачесалась спина, прям под лопаткой, туда, видно, первую пулю и схвачу. Сейчас уже сто процентов понятно одно: добром точно уже не разойдёмся.

Плечи Ника еле заметно дёрнулись – это всё... Я бы хотел просто закрыть глаза и не заметить этого, но я слишком хорошо знаю, что будет дальше. Дальше его локти согнутся, зафиксировав в руках автомат, и указательный палец правой руки надавит на спусковой крючок, и, поверьте мне, дожидаться этого не стоит. По его первому микродвижению в плечевом поясе, я чуть согнул ноги в коленях, большим и указательным пальцами правой и левой руки выхватил из пояса два ножа и лёгким, эффективным, невероятно быстрым движением направил металл вперёд, прямо в Ника. После этого резко, не дожидаясь, как мои смертельные рыбки достигнут цели, всем телом нырнул влево в камыши, траву и грязь. Потом быстрыми кувырками, не останавливаясь ни на секунду,

из стороны в сторону начал удлинять дистанцию между мной и моими коллегами. Слегка удалившись, стал добавлять к кувыркам лёгкие перебежки.

Стрельба по мне не заставила себя долго ждать, но сейчас мне на руку сыграло их нынешнее хреноватое состояние, поэтому пока они соображали, я сделал задел примерно в шестьдесят метров. По сравнению с пятью – это совсем не дурно. Успех, но останавливаться, знаете, как-то совсем не хочется. Мне наград не надо, особенно сейчас, и чести, и похвал тоже, я просто за минуту жизнь так полюбил, что согласен был бить все мировые рекорды. Углубившись в заросли, я позволил-таки себе сделать микро паузу, но у меня была уважительная причина: адреналинчик отпустил слегка, и резкая боль пронзила мою левую часть тела, надо было осмотреться. Ужасная, жгучая, размашистая, надрывистая боль в плече – даже мышцы не расслабить, их будто зажало напряжение. Зацепило всё-таки, зараза. Кровь обильно сочилась, но жалеть себя было некогда – мои «друзья» хоть медленно, но приближались. Их шатало, от этого очереди били сначала опасно, а затем сильно высоко, как бы самолёт не зацепили.

Попытка мыследействием остановить потерю жизненной энергии и кровь не увенчалась успехом, только до слёз сильно разболелась голова. Следующей мыслью было поджарить своих преследователей, кинуть огненную дорожку и жить себе дальше с простреленным плечом, но, увы, эта мысль бы-

ла совсем глупа. Попытка оформить замысел – и словно мне кувалдой одновременно ударили по голове и по обеим ногам спереди, я болезненно шлёпнулся на землю, чуть не поломав себе рёбра, стиснул зубы и зажмурился от того, насколько мою голову рвало изнутри большим огненным шаром. Казалось, сейчас кожа порвется, и череп разлетится в стороны. Господи, словно три дятла долбят мне по голове изнутри, по вискам и в затылок. Через боль я начал карабкаться из тьмы моего измученного сознания. Трава, грязь, поле – вернулся, хорошо. Сжимая руки, загребая грязь и ледяную воду, я поднялся и, стараясь не издавать звуков, как учил Вепрь, направился дальше вглубь спасительных зарослей.

Стрельба прекращалась только для перезарядки оружия. Неожиданно за мной метрах в тридцати сзади-справа рванула граната. Меня кинуло вперёд, но я не упал. Долбануло по ушам так, что хотелось упасть и схватить себя за голову, издавая громкий, жалобный крик. Мои глаза хотели сбегать на лоб поприветствовать друг друга, а рот так и желал порваться по острым кончикам губ. Что делать? Меня тут просто разнесут и живого места не оставят. Куда бежать?

Метрах в сорока впереди было озеро. Я всё-таки к нему пришёл. Скоро, если им повезёт, ты получишь и моё тело, проклятая водица. На берегу был кусок какой-то разрушенной плиты, высота достаточна, чтобы скрыться, а дальше что? А полоса высокой травы и зарослей кончилась. Мои преследователи дезориентированы и ненадолго потеряли ме-

ня, но найдут. Мне всё равно край. Они слишком близко, до леса не успеть, я в поле. Сейчас я – слишком удобная и вкусная мишень.

На полусогнутых выйдя из зарослей, с явным отвращением к этому гиблому водоёму, направился к побережью. Подойдя в плотную к плите, я кувырком прокатился по ней и упал за неё. Правда, как раз на простреленное плечо приземлился, чувства непередаваемые. Сжав зубы и зажмурив глаза, не смог-таки сдержать себя и издал еле слышимый звук, похожий на мычание. Потом уместился поудобнее, лёг на спину, вплотную подлез к бетонной спасательнице и вжался в землю. Я слушал журчание воды, лёгкий шёпот усиливавшегося ветра, оглушительную, умопомрачительную стрельбу и крики преследователей. Солнце выходило на суд людской. Пять утра. Я в ловушке. Мне конец...

За год в отступничестве я успел забыть, что такое боль. Боль не душевная, а реальная, жгучая, огненная, сильная, острая боль. Боль от того, что в тебя входит раскалённый кусочек металла, либо огромная холодная сталь режет тебя из-за того, что ты потерял концентрацию во время фехтования. Любая боль.... Последний год я отдыхал от всего и, как вы успели заметить, потерял концентрацию, внимание и холодный расчёт. Главная моя проблема в том, что после длительных тренировок я, наверно, перестал считаться с риском и обстоятельствами, я перестал обращать внимание на опас-

ные вещи. Я слишком стал самоуверен...

Простреленное плечо вылило на мой разум ведро ледяной воды. Рану рвало внутри, плечо постоянно болело, гудело мерзким огнём, хотелось дуть на рану или, что более вероятно, приложить к ней кусок льда. Сейчас же я боялся даже вздохнуть лишний раз. Хотелось курить, пить и вообще не лежать оловом в подобной ситуации, как говорил один киногерой из советского кинематографа «Надо что-то делать..., надо что-то делать...».

Стрельба неожиданно резко стихла. Почему? Что произошло? Мой слух напрягся. Я пытался по шорохам, шагам, разговорам, по каким-либо звукам оценить свои шансы в сложившейся ситуации и хотя бы понять, где мои преследователи. А вы что думали? Что я сдамся и буду покорно ждать смерти? Как бы не так, выхода нет только... Сами знаете, откуда! У меня не получалось вычлениить из общего шума нужные мне звуки, поэтому всё оставалось в подвешенном состоянии...

Набравшись смелости, вдохнув воздуха столько, что казалось его просто через край, я выглянул из своего укрытия. Результат меня не огорчил, но и не сильно порадовал: метрах в пятидесяти чуть справа стоял водитель, по грудь его скрывала трава и заросли, поэтому мне видно было только его плечи, шею и голову. Стоял он по отношению ко мне левым боком и общался с человеком, стоящим прямо перед ним. Собеседника я не видел. Кивал, что-то говорил, делал много

ненужных движений, а потом поднял руки вверх. Я замер – какой-то довольно большой предмет был у него. Можно было подумать, что он автомат взял за дуло и держал его наоборот. Но зачем? Хотя, сейчас это не важно.

Вернув голову за плиту, я зажмурил глаза и откинулся назад. Естественно, упал в грязь, но сейчас было плевать. Сейчас мучал один вопрос: что делать дальше? Я непроизвольно открыл глаза и увидел силуэт метрах в десяти перед собой. Из-за пелены на глазах я не понял, кто это, и вздрогнул. Моё тело атаковали мурашки, и резкий холод парализовал его на несколько секунд. Быстро протерев глаза, я узнал фигуру и тяжело выдохнул. Это была Даша. Снова ты – мой тёмный спутник на протяжении последнего года моей жизни. Любишь ты эффектно появиться, что случаем можно штаны намочить. Она была, как всегда, великолепна, говорят, что кому-то смерть идёт к лицу, ничего не хочу сказать, но она вся сияла. Возможно, это всего лишь мой воспалённый мозг и фантазия рисуют её такой, какой я её запомнил для себя. Она была в белом платье, жмурилась на солнце и снова улыбалась мне. Потом наклонила голову набок и протянула в мою сторону руки. Перевернула кисти и жестом звала меня к себе. Да, Даша, если всё будет плохо, сегодня я, наконец, станцую с тобой под лучами уходящего солнца наш последний танец на земле. Я улыбнулся, она засмеялась и начала поворачиваться ко мне спиной, не сводя с меня глаз. Я наблюдал, не отрываясь, ловил каждое её движение, каждый её

глоток воздуха, каждую улыбку и взгляд. Она остановилась, положила руки себе на шею, но вдруг улыбка начала исчезать с её лица, глаза расширились, рот приоткрылся, она хотела что-то крикнуть, как справа от меня за плиту схватилась мужская окровавленная рука. Я резко изменил объект моего наблюдения: видно было только пальцы, выходявшие с моей стороны из-за линии плиты. Напрягся, втянул живот и тихо вытащил из ножен свой меч, задержал дыхание и ждал. Даша, зря ты отвлекла моё внимание. Я смотрел на руку, больше пока мне ничего не было видно. Словно назад вернулся в детство, и мы просто с друзьями играем в прятки, подождите, сейчас мама загонит меня домой, жаль, не отец... Его я не знал... Никогда не видел. Время остановилось, моё сердце зарывается уже не в пятки, оно уже метра на два в земле. Ну, давайте же, покончим с этой тишиной.

Неожиданный резкий удар. На меня упала рука, кисть, пальцы, кровь. Мать вашу, что за...? Я быстро откатился в сторону от плиты и увидел, как наш водитель, двухметровый детина с топором, дерётся с визжащим Бахой. Топор... Откуда? Когда мы уходили от машины, топора не было, или я стал совсем невнимательным. Макс, как можно было не заметить топор? К моему счастью, дерущиеся не обращали на меня внимания. Баха скакал вокруг водителя и держался за повреждённую, хотя какую повреждённую – отрубленную к чёртовой бабушке руку. А на кого? На меня упала его рука. Кошмар. Враждующие не говорили, они рычали друг на дру-

га, точно зверьки, воюющие за территорию. С ума сошли что ли, что происходит? Баха сделал резкий выпад в сторону водителя и вытянул вперёд шею и голову. Мужчина с топором чётко среагировал, ударил подошвой ноги с боку в колено опорной ноги Бахи, после этого Баха припал на повреждённую ногу, а водитель ни секунды не раздумывая сверху вниз топором отсёк голову своему врагу. Голова Бахи покатилась в мою сторону, но остановилась, достигнув плиты. Водитель же бешено бил в безжизненное лежащее обезглавленное тело, издавая дикие, животные возгласы. Я был сверх шокирован поведением своих бывших партнёров. Полез с совершенно отбитыми большими убудками чёрт пойми куда. Браво, Макс!

Держа меч в боевой готовности, я медленно начал подходить к обезумевшему водителю, который всё ещё издевался над трупом некогда своего предводителя. Господи, этот безумец, бывший топором в тело, был похож на мясника: он сам здоровый, да ещё и весь в крови, и ладно был бы только в крови, на нём были куски мяса Бахи, но он всё бил по телу, которое разлеталось под сильными, мощными, жестокими ударами топора. Подойдя сзади к этому животному, я вонзил ему в спину свой скрамасакс, пробив эту тушу насквозь. Бугай начал хрипеть, кряхтеть, слышно было, как его горло моментом набралось крови, потом он спустился на колени и упал. Я вытащил из него меч и убрал в ножны. Сзади я услышал громкий крик, который меня вздёрнул, и мгновен-

но выдернул меч обратно. Овернулся – на меня стремительно бежал, рыча, крича, в общем, хрен разберёшь, Шурик. Не хотелось мне убивать этого лошка. Убрав меч, я решил постараться сохранить ему жизнь, тем более он был безоружен, поэтому выполнить задуманное у меня был шанс без риска для здоровья.

Я следил за поведением приближающегося Шурика. Агрессия, ярость, он грозно рычал, а из его рта яро била слюна. Что это он так разозлился на меня? Из-за своих коллег-бандитов, которые сами над ним издевались? У меня безумно ломило голову и о чём-то думать сейчас не входило в мои планы. От мыслей и раздумий виски разрывало ещё сильнее. Я смотрел на него и метился, слегка подаваясь то влево, то вправо, когда же нападающий приблизился слишком близко, я резким кувырком ушёл влево от него. Оказавшись на ногах и пятой точке, бросил взгляд назад. Шурик продвигался вперёд, не заметив моего исчезновения, лишь через несколько секунд он остановился, и начал искать меня перед собой. Кинулся вправо, потом влево, только через минуту он-таки додумался повернуться и обнаружить меня сзади. Я не двигаясь сидел на земле, положив на неё правую ногу и наблюдал цирк одного актёра. Ну, что за дурак? Ведёт себя, как лишённая всякого разума, раздраженная запахом крови тупая хищная скотина. Что-то здесь совсем не так. Я чувствовал себя как психиатр, изучая пациента, ну, честное

слово. О, чудо, неужели до него дошло, что я ушёл из-под его бешенных копыт уже как минуты три назад. Пыхтит, смотрит, рычит – как нам не нравится, что нас оставили в дураках. Ты – не Шурик, я это чувствую. Тогда, что же ты? Вроде как, ситуация должна меня напрягать, а я сижу, не шалю, зеваю. О, побежал...

Грозно втапывая невидимого своего врага в землю, круша и ломая всё на своём пути, этот аут снова летел на меня. Я встал, отряхнул пятую точку от земли, посмотрел на него, тяжело вздохнул и ждал. Идиот. Когда Шурик оказался в метре от меня, я без всякого труда, спокойно контролируя ситуацию, сделал выпад влево, убрал корпус на левую ногу, сделав её опорной, а правой, как косой сбрил его по коленям. Его тушка, встретившись с преградой на пути, в виде моей ноги, стремительно полетела лицом вниз. Плюхнулся он, не дай бог каждому, лежал мордой в грязь, фыркал что-то, кряхтел. Я спокойно повернул озлобленного Шурика на спину и прямым ударом вlepил ему в нос, отправив в недолгий нокаут. Ну, минут тридцать он не будет мне мешать. Далее снял с остатков Бахи и водителя ремни, и наглухо связал ноги и руки этому злодею.

С ним разберусь позже. Сейчас главное, что я остался жив в этом жестоком, кровавом балагане, а, значит, надо это дело перекурить. Упав на землю рядом со связанным пленником, я достал из левого кармана куртки пачку и закурил. Ужасно раскалывалась голова, и сил не хватало даже на нормальную

затяжку – моментом пробивало в голову настолько сильно, что в пору было визжать. От этой невыносимой боли я зажмурил глаза и откинул голову, направив ломившие глазницы вверх к спокойному небу.

В лицо подул прохладный ветерок, и я улыбнулся, дышать стало легче и неожиданно отпустило голову, боль исчезла. Лёгкость, словно минуту назад ничего и не ломило. Открыв глаза, я дёрнулся от неожиданности, вскочил на ноги и выхватил из ножен меч. Передо мной стоял инквизитор. Я осматривал его, как диковину: старые, рванные, потёртые джинсы, кирзовые сапоги, чёрный свитер и длинный кожаный плащ, длинные тёмные волосы, убранные в хвост, и бандана, трёхдневная щетина, зелёные глаза, острые уши, слева ножны и очень недурной меч – серебряный двуручник, чья мощь настолько велика, что с удара могла перерубить любую тварь пополам. Сейчас с такими не ходят, в моде мечи, с которыми можно управляться одной рукой, да и в кирзовых сапогах почти никто не рассекает сегодня. По всему было понятно, что передо мной стоит боец прошлого десятилетия, а, может, и прошлого столетия.

– Почему ты не убил его, ведь он желал твоей смерти? – Грубым голосом спросил незнакомец. Я его и не слышал, всё ещё разглядывая и думая, как он появился совершенно беззвучно и вообще, как я его не учуял и до сих пор не чувствую, но вижу. – Почему ты не убил того, кто желал твоей

смерти? – Повторил пришелец.

– Я не желал его смерти и мне показалось, что он не по своей воле хочет моей, – спокойно ответил я.

– Ты – добряк. Это может сыграть с тобой злую шутку. Однако, ты прав.

– В чём? Кто ты? – Удивлённо поинтересовался я.

– Не он хотел твоей смерти. . . , – я встрял в его ответ, встав в готовности к бою.

– Не он, а ты?! Ты хотел моей смерти? – Руки крепко сжали верный меч.

– Ты – добряк и глупец, – покачал головой незнакомец.

– Тогда кто ты? Что здесь происходит? Чего тебе нужно? – Я давил на своего собеседника.

Инквизитор засмеялся, присел на корточки и посмотрел на меня.

– Я здесь живу.

– В каком смысле «живу»? В поле что ли? – «Как здесь вообще можно жить? Творится чертовщина какая-то».

– Не торопись с выводами. Водку будешь? – Улыбнулся он.

Ну а почему бы и нет, я после такой весёлой прогулки сейчас грамм сто бы принял на душу населения.

– Давай.

– Пошли со мной, – сказал незнакомец.

– Куда? – Дёрнула в моей голове неприятная мысль.

– Да недалеко, пальцем покажу, где земельку убрать надо.

– Не понял? – «Какаю к чёрту земельку? Что опять творится?», думал я. Всё это мне не нравилось.

– Таковую земельку. Пошли.

«Я сказал это вслух? Вроде, только подумал».

– Да подумал ты, подумал, пошли, говорю.

– Как ты читаешь меня? Кто ты? – Я был в растерянности.

Что это за старый прохиндей?

– Я же сказал, не торопись, а под рюмочку и разговор можно будет вести. Не переживай, если б я хотел тебя грохнуть, то давно бы это сделал.

И то верно. Ладно, на свой страх и риск я последовал за инквизитором. Прошли мы, правда, не так далеко, метров на сто всего. Инквизитор показал пальцем на бугорок и сказал, чтоб там я аккуратно убирал землю. Я встал на колени и ножом тихонько, неглубоко начал протыкать дёрн, потом руками откидывал в сторону. Очень быстро мой нож встретил препятствие.

– Да, в сумку попал, доставай её, – убедительно сказал мужчина.

Убрав ещё землю, я заметил человеческую кость и остановился.

– Тут скелет. Кто это? – Настороженно напрягшись, спросил я.

– Это..., – усмехнулся инквизитор. – Это я.

Я молча встал, подошёл к незнакомцу и медленно рукой провёл по его телу в области живота. Проходящей через его

телу руке было тепло, немного кололо в пальцах, чувствовалось присутствие электроэнергии.

– Ты – привидение..., вот почему я тебя не почуял, – это было не очень радостное известие для меня, но что делать, не злиться же на то, что ты не можешь изменить.

– Ты прав. Доставай уже водку, следопыт хренов, – крикнуло на меня привидение.

Никогда не думал, что привидения могут выходить на контакт с людьми, сколько раз мне говорили, не путай их с призраками. Привидение – это информация, записавшаяся на пространстве других измерений, но с помощью какой-либо энергии способная частично проявляться в нашем измерении. Это когда-то жившие люди, с которыми связаны сильные события, повлиявшие на ход истории, на жизни других людей. Такие сильные вещи оставляют след в памяти последующих поколений, а также отпечатываются на сетчатке пространства другого измерения. Правда то, что это именно человек, будет сказано и верно, и не точно. Если событие было сверх массовым, то, вполне вероятно, что оно может целиком отпечататься на одном из одиннадцати измерений и время от времени проявляться в нашем. Если ключевой фигурой являлся человек и отразился только он один, то его привидение, как чаще всего бывает, является нейтральным, он ведь просто отразился, и часть его души застряла между мирами. Бывает, конечно, что он не выдерживает, и начинает бунить, но это не со зла или желания навредить живущим.

В очень же редких случаях при искажении информации их агрессия является специально направленной на людей. Привидения-одиночки также не всегда привязаны к месту своего отражения, они могут кочевать. Отраженные же события не могут перемещаться.

Призраки – это уже нечисть, что пришла в наш мир через открытые порталы именно с целью насолить людям. Проблема их в том, что далеко не всем призракам удаётся шататься и гадить в бестелесном виде, большинству обязательно необходимо принять оболочку, и уже потом начинать шалить. Чаще всего они вселяются в то, что первое им попадает на глаза, очень эти твари любят собаками прикидываться, а потом уже из своей приобретённой оболочки они приручают свой вид. Например, если призрак вселился в собаку, то он может приручить разум другой собаки и заставлять её находиться рядом, так они формируют вокруг себя стаи и начинают свои грязные дела. Распознать призрака в собаках тяжелее всего, этот вид животного порой сам по себе формируется в группировки, а проверять всех долго и запарно. Ну да ладно, это всё, как в учебнике. Сейчас передо мной стояло живое привидение. Да, понимаю, что привидение называть «живым» – это уже шизофрения, но сделайте поблажку на то, что я немного в другом мире живу и видел столько всего, что хоть стой, хоть падай.

Короче, это первое привидение, которое вышло со мной на контакт. Я молча откапал рюкзак и медленно начал про-

верить карманы.

– Да высыпи ты уже всё на землю, что пригодится, бери себе, только водку достань скорее! Честное слово, нежно ты с ней, как по мягкому выбритому месту ладошкой, – мужчина злился моему аккуратному и бережному обращению с чужими вещами. Я взял за дно и высыпал содержимое сумки на землю. Среди хлама была бутылка водки «Купец ...» – дальше этикетка была порвана, и было не разобрать. Я открыл горлышко и вопросительно посмотрел на привидение.

– Глупыш, стакан возьми, – спокойно по-отцовски со вздохом сказал инквизитор. Я немного убрал хлам рукой и нашёл хороший такой металлический стакан.

– Сколько лить? – Спросил я.

– Лей по серёдку, дальше видно будет, – мужчина начал потирать руки и присаживаться рядом, от него хорошо веяло теплом. Я всегда думал, что от всего загробного должно нести холодом, а тут тепло.

– Я – не загробный, я – воздушный! – Засмеялось привидение, а мне до сих пор было не по себе, да теперь ещё и пью с умершим, докатился совсем.

Я налил полстакана водки и поставил на землю, сам же взял бутылку в руку и посмотрел на незнакомца. Как он пить-то будет, он же..., ну, это..., мёртвый, вроде как.

– Да ты за меня не волнуйся, я живее всех живых. Я дышать её буду, – снова засмеялся он.

– За что пить будем? – Спросил я. Привидение только на-

клонилось понюхать водки, как я задал свой вопрос.

– Вот чудак-человек, а за что пьют в начале? За знакомство.

– Так кто ты? Ты мне так и не поведал, – спокойно ответил я на его подкол в мой адрес.

– Пилигрим меня зовут по-нашему, а по батюшке величать Григорий Райдал.

– Меня Панком кличут инквизиторы, раньше Максом Фадеевым звали.

– В смысле, раньше звали? Запомни, друг – никогда не отрекайся от своего прошлого! Тебя и сейчас зовут Фадеевым Максимом и точка. То, что ты – инквизитор не означает, что ты перестал быть человеком. Тогда вздрогнули, за знакомство.

Всё, уже пью с привидениями, кому скажу, не поверят. Злобно пошла, что за водка палёная, совсем тяжело идёт и заесть не чем.

– Там же, в сумке мясо должно было быть, но, чувствую я, конец ему настал когда-то, – засмеялся инквизитор. – Так что прости, закусить нечем, а водка да, требует закуски.

– Ты привязан к этому месту? Что ты здесь делаешь? – Поинтересовался я.

– Умер я здесь, как ты понял, но нет, к месту не привязан. Людей я пытаюсь здесь спасти, из-за меня ведь эта территория стало страшным местом на земле, – вздохнул горько мой собеседник и, наклонившись, втянул в себя водочки.

– И как, вставляет? – Улыбнулся я.

– А то, – засмеялся он в ответ. – Умрешь когда-нибудь, попробуешь.

– Что ты сделал с этим местом?

– Я с ним ничего не сделал, я сюда кое-что принёс. И вещь эта совсем не простая. Злая эта вещь. Видел, что стало с людьми? Помнишь, как тебе плохо было? Это всё действие этого проклятого камня, будь он неладен и дважды сгори он в огне. Сколько людей свёл он в это озеро, сколько смертей я увидел за эти годы. Вот какой сейчас год?

– Семнадцатый.

– А я умер в шестом. Стало быть, одиннадцать лет уже здесь. Боже, сколько мне ещё быть хранителем этой насквозь пропитанной кровью земли?

– Давай ещё тяпнем, да рассказывай, что за магия в этих местах водится, может, избавиться от неё можно? – Предложил я.

– Да не избавиться от неё. А так: пусть лучше здесь она будет, чем в городе каком или населённом пункте. Давай за тебя выпьем. Тот, кто отправил тебя сюда, явно не желал тебе добра – отсюда живым только один человек уходи, и то только потому, что мне хватает сил сопротивляться силе камня, как сейчас, например.

Я одобрительно кивнул в ответ. Ведь действительно, эта зона самой смерти. Вот же удивятся, что я вернулся. Мы выпили по второй, ну, я выпил, а мой коллега вдохнул, и я стал

внимательно его слушать.

– История моя берёт своё начало в 1575 году в Королевстве Венгрия, там 8 мая в замке Вранова состоялась свадьба Ференцема Надашдема с красавицей Елизаветой Батори. Имена тебе о чём-нибудь говорят?

– Нет, если честно.

– Ну да ладно. Чуть позже Ференц в качестве свадебного подарка дарует жене один волшебно красивый красный огромный рубин, а чуть позже и Чахтицкий замок. Замок в данном случае нас не сильно интересует, а вот этот яркий, переливающийся рубин охватит всю дальнейшую жизнь кровавой графини. Красный свет сам по себе разжигает в нас страсть, вызывает в людях к животным первобытным инстинктам, это цвет хаоса и крови, которую мы реками проливаем.

– Во всём виноват камень? – Удивился я.

– Не просто камень. Это чудовищной силы камень, имеющий магические свойства и, если тебе будет угодно, свой характер и свои требования. Красные драгоценные камни, у них особая сила, они даруют своему владельцу контроль над разрушением, над огнём, над людьми. Эти камни способны спасти своему владельцу жизнь, способны помочь ему преодолеть любые преграды, они насыщают огромной энергией его тело и разум. Красные камни – это дар и проклятие своему владельцу.

– Надо выпить, слишком много информации.

– Я за, надо горло... ой, то есть нюх пробить, – засмеялось привидение.

– Третью, за тебя мой несчастный, случайный знакомый, – сказал я и опрокинул бутылку, посылая себе в глотку несколько глотков горькой.

– Ух. Слушай дальше. Так вот, в дальнейшем Елизавете Батори будут обвинять в серийных убийствах, в том, что она принимала кровавые ванны, зверски издевалась над своими жертвами, похищала людей и тому подобное. Но никто не скажет о камне, никому даже в голову не придёт, что во многом виновен именно этот камешек. Батори принимала ванны, наполненные доверху кровью, да, чтобы быть молодой, но она окунала в эту ванну сначала тот самый камень. Это ему требовалась кровь. Он хотел много, как ненасытный хищник, как убийца, но в тот период он сам не творил злодеяния, ведь ему служила его хозяйка, а он в ответ верно служил ей. Елизавете Батори приписывают шесть детей, рождённых от Ференца, и часто умалчивают о седьмом. Мальчик, что по многим источникам умер в младенчестве, и никто не подумает, что его, возможно, убила собственная мать, чтобы в крови безгрешного дитя омыть своего красного хранителя. Более того, совсем немногие вспоминают о самом первом ребёнке, которого по всем источникам не было, о девочке, что родилась ещё до подаренного Ференцом Чахтицкого замка. Отцовство приписывают слуге из замка Шарвар, в котором Батори и Надашдем жили после свадьбы. Слуге

пришлось не легко, камень первые годы не получал своей крови и сумел оказать влияние даже на супруга своей хозяйки. Слугу кастрировали и окровавленного бросили своре собак, а ребенка после рождения убили у Батори на глазах. Для неё это был ужас – её первое дитя, но камень сумел успокоиться, упоив свою жажду двумя жизнями. Через пять лет он приручит Батори и заставит радовать себя. Первыми станут девочки, дочери местных крестьян. Позже камень захочет более благородной крови и в ход пойдут дочери мелкого дворянства. Ференц Надашдем умер в 1604 году и для графини исчезли все преграды – начались похищения. Камень получал всё, что хотел, его яркая полоса жизни продолжалась почти пятнадцать лет, но зимой 1610 года Батори застает на месте преступления и арестовывает Дьёрдь Турзо. Он и его люди нашли у кровавой графини одну девушку мёртвой и ещё одну на пороге смерти. Давай ещё выпьем?

– Давай. Четвёртую за что? – Спросил я.

– За защитников людского рода от всякого проявления нечисти! Пусть руки их, что держат мечи, будут крепки, а мысли их будут правильными и чистыми! – Он сказал это, словно не тост, а клятву.

Мы снова выпили. С каждым разом пробивает всё сильнее и сильнее, а осталось на глоток.

– Ладно, на чём это я остановился. А, ну вот. Арестовали Елизавету Батори и закрыли под домашний арест. Турзо был умным мужиком и понимал, что если графиню каз-

нят, то всё её добро отойдёт короне, а это было не в его планах. Скрывается тот факт, что он встретился с заключённой и разговаривал о чём-то с ней в течение четверти часа. Потом уже известный факт, что король Матьяш приговорил Батори к смертной казни и требовал, чтобы Турзо исполнил её, но Дьёрдю неизвестно как удалось уговорить короля передумать. Как ты думаешь, что стало взяткой?

– Неужели камень? – Удивился я.

– В точку. Он даже здесь сумел отплатить своей хозяйке за прекрасное беззаботное время с ней, он подарил ей ещё четыре года жизни, но какой? Её направили в замок Чейте, поместили в одиночную комнату и намертво заложили окна и двери, оставив маленькое отверстие для подачи пищи и поступления кислорода. Так она прожила до 1614 года. Слуг её казнили, причём очень жестоко – камень был у короля Матьяша и снова получил свою дозу крови.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Я изучал этот камень, мне нужно было знать, с чем я имею дело. В общем, так получилось, что почти через четыреста лет этот камень всплыл в России. Здесь, в городе, я был с рабочим визитом – командировка, но в момент стало не до неё. Этот камень за столько лет научился создавать вокруг себя зону, в которой люди «теряют голову». В этой зоне в них просыпаются настоящие животные. Они бесятся, приходят в ярость и в результате убивают друг друга. Когда я это понял, то решил, что камень нужно увезти из го-

рода подальше, в лес, в поле – куда-нибудь, где меньше людей. Пока мы искали бы лекарство от него, слишком многие бы погибли. Этому камню хватило бы совсем мало времени, чтобы устроить настоящий хаос в городе. Долго не раздумывая, дабы спасти людей от нависшей угрозы, я схватил камень и начал двигаться куда подальше. Сам понимаешь, я – не местный и ушёл, куда смог. Выйдя из леса, знакомого тебе, я почувствовал, что камень раскусил мой коварный план и затрачивает все ресурсы, чтобы просто убить меня. Мне становилось хуже, я дошёл до сюда, – он показал пальцем на место, откуда я откапал рюкзак и где был землёй скрыт скелет. – Затем руками начал копать ямку, после положил туда камень и почувствовал, что силы покинули меня. С колен я упал на бок и на последнем вздохе ладонью опрокинул в яму с дьявольским камнем землю. И всё..., я умер и мой дух, в котором ты меня сейчас наблюдаешь, отслоился от тела, – привидение засмеялось.

– Ты появлялся перед кем-нибудь ещё?

– Ты чё, дурак? – Удивился инквизитор. – Ты – первый, только я сам не знаю, почему. Что ты сделал такого для людей, что моё чувство подсказало мне: «пора..., пришло время»? – Спросил меня Пилигрим.

– Я стал отступником, чтобы спасти людей, – ответил я.

– Бред. Хотя ситуации не знаю в целом, но смею предположить, что ты, зная, что подписываешь себе смертный приговор, добровольно согласился пойти на это, дабы защитить

людей?

– Грубо говоря, так, – ответил я.

– Сравнил кенгуру с пингвином! Грубо говоря или так? – Резкий скачок в настроении моего собеседника.

– Так, – твёрдо ответил я.

– Хорошо. Что тебе нужно? – Поинтересовался Пилиgrim.

– Понимаешь, мне нужен артефакт из этой зоны, вещь, обладающая силой.

– Зачем?

– Я получил заказ у Стаи, поэтому я здесь.

– Тьфу ты, что такое Стая – это миф, сколько их там? Пять человек, которые хотят изменить мир, поэтому отправляют инквизитора на верную смерть?

– Я – отступник.

– Да хоть Санта Клаус, – приведение не могло поверить в услышанное. – Ой, хорошо, я дам тебе выбор.

– Какой? Какой здесь может быть выбор? – Удивился я.

– Такой, – вздохнул Григорий. – Ты можешь откапать и взять рубин Батори и перенести эту страшную аномальную зону в другое место, давай ещё в город, чтоб народ пачками убивал друг друга, а можешь..., – он остановился и замолчал.

– Что могу? Есть другой вариант? – Я рвался, словно из себя.

– Рубин Батори за одиннадцать лет, что находится здесь,

сумел породить двойника и наделить его частью своей силы. Двойник не может создавать зону вокруг себя, и вообще он слаб, но один в один точная копия этого злодея.

– Что это?

– Шпинель. Это минерал красного цвета, который ещё в старину часто путали с рубином. Дело в том, что рубин и шпинель имеют сходную долговечность и твердость, при всём этом обладая одинаковым манящим красным цветом.

– Тут и думать нечего, где этот шпинель?

– Рубин рядом с моими руками, его двойник возле моих ног, только слегка меньше в размерах.

Я подошёл к месту захоронения и возле ног начал капать, через минут десять наткнулся на камень. Всё это время мой собеседник вдыхал водку и о чём-то грустил. Странно, на грустного он совсем не был похож, очень много смеялся и шутил. Положив камень в нагрудный карман куртки, я вернулся к скучающему привидению.

– Допьём? – Сказал я, подняв бутылку с остатками на дне. Пилигрим улыбнулся.

– Допьём.

Молча я опрокинул бутылку и залил в себя остатки горькой, потом встал и направился к Шурику.

– погоди, – крикнул Гриша. Я повернулся.

– Чего?

– Подойди к моим вещам и возьми звёздочку Советского Союза и блокнот. Отдай их кому-нибудь из инквизиторов.

Меня поди до сих пор без вести пропавшим считают, – засмеялся Пилигрим.

Я покопался в вещах, достал оттуда блокнот и звёздочку, остальное закинул назад в сумку, положил в яму, которую сам раскопал и слегка навалил сверху земли.

– Удачи! – Сказал я и направился к Шурику.

– Подожди, – снова крикнуло привидение.

– Что ещё? – Улыбнулся я. По-моему, его просто достало одинокое пребывание здесь, и он хочет, чтоб я подольше находился рядом с ним, тем более, я первый, кому он показался и доверился.

– Здесь, недалеко в деревне, живёт дедушка, зовут его Сергей Петрович, он приходил к озеру, разговаривал со мной, звал меня Духом Озера. Конечно, я не показывался ему, просто слушал, что он говорит и сдерживал камень, ведь он всегда разрешения у меня спрашивал, чтоб в воде этой искупаться. Он верил, что я здесь есть. А сейчас его нет, не ходит он больше. Будь добр, найди его. Если умер, то скажи мне, я хотя бы ждать не буду, а если жив, скажи ему, чтоб приходил и говорил со мной, обо всём говорил со мной, озеро его не тронет, так и передай ему. Сделаешь? По-братски, по-инквизиторски? – Глаза привидения не могут плакать, он не может страдать. Не тут-то было..., может...

– Хорошо, Пилигрим, найду его, сделаю, – я повернулся и целеустремлённо пошёл к связанному Шурику.

– Удачи, брат! – Крикнул Гриша Райдал. – Сделай! Богом

прошу.

Я повернулся и махнул рукой. Подойдя к Шурику, закинул его на плечо, благо сила во мне теперь есть, закурил сигарету и направился из зоны смерти к нашему микроавтобусу. Я уходил из «Мёртвого Треугольника», уходил живым.

На выходе из «Мёртвого треугольника» приключений не было. Я спокойно добрался до нашего микроавтобуса, а позже встретилось только одно препятствие – пришлось разбить стекло, чтобы получить доступ к транспортному средству. После я загрузил Шурика назад и без труда завёл машину, не имея ключа. На ней мы добрались до города.

Шурику было плохо следующие три дня, его часто рвало, даже когда уже нечем было, температура подлетела под соток. Бывали случаи, что на него нападал бред, но в основном его сознание было светлым, и он всё понимал. Когда мы выезжали из нашего турне, направляясь в город, с трудом борючая и путая реальность со своими галлюцинациями, часто принимая меня за какого-то «Ангела тьмы» из своих видений, он сумел объяснить мне, как найти его сестру. Правда, не зная в принципе чужой город, я с трудом отыскал её только к вечеру.

Шурик – надоело уже его так называть – пора вам представить его по-нормальному, по-человечески: Александр Вельтинский. Он снимал для сестры отдельную комнату и редко с ней виделся, дабы не привлекать особо пристального вни-

мания своих уже бывших коллег. Сестра была лет на десять младше старшего брата, ставшего для неё реальной опорой и помощью. Девушку звали Мария, она была среднего роста с чистыми добрыми карими глаза, которые закрывали в чёрной оправе очки, длинные русые волосы, на шее справа – родимое пятно, а над верхней губой – маленький, совершенно не уродливый шрам. Я встретил её, возвращавшуюся из школы. Шурик был без сознания в машине, поэтому её я успел спутать с тремя другими девушками до этого, похожими на её словесный портрет. Вообще, получилось не очень нормально. Сами представьте мой внешний вид, ещё и грязный, как в бассейне побывал, наполненном углём, и лезу к малолетним девочкам. Честно, если бы бдительные граждане вызвали бы фараонов, я бы ни капельки не удивился, но нужно было как-то помочь моему случайному товарищу.

Девушка медленно передвигалась, уткнувшись в телефон, да ещё и с наушниками в ушах, обходя лужи, с сумкой через плечо и пакетом в левой руке. Я, огорчённый неудачей, произошедшей буквально двадцать минут назад, уже не надеясь на успех, подошёл к ней. Она так же, как и предыдущие дамы была похожа на словесный портрет, который мне поведал в машине Санька, находившись на грани бреда с реальностью, поэтому его описание подходило к очень многим девушкам. Не было особых подробностей и каких-то внешних отличительных признаков. Девушка подняла на меня глаза и удивилась тому, как я, совершенно её не стесняясь, рассматри-

ваю, словно руками щупаю её лицо, щипаю и глажу его. Явно испугавшись, она остановилась метрах в двух от меня. Надо было что-то сказать, в подобной ситуации её страх мог вызывать совершенно непредсказуемые действия.

– Мария Вельтинская? – Спокойно поинтересовался я.

– Да, – удивленно ответила девушка. – Вы кто? Мы знакомы? – Практически одновременно задала она два вопроса.

– Нет, я знаком с вашим братом, – я мялся, не зная, как общаться со школьницей, да и вообще с совершенно незнакомым человеком. Последнее время мало с кем получается контактировать, только с Котёнком, но, несмотря на все эти факты, внешне я не изменился.

– И что? – Резко кинула она мне.

– Ему нужна ваша помощь. Желательно, скоро оказанная, – попытался объяснить я, но что-то мне подсказывало, что она видит во мне одного из нежелательных партнёров своего брата. Решив изменить ход ситуации и как-то скинуть напряжение, я быстро сказал, – он попал в беду. Сейчас он здесь.

– Где? – Снова удивилась она, но её взгляд выдавал не удивление, а явное недоверие ко мне, другого ожидать было глупо.

– В машине, – сказав, я открытой ладонью указал на микроавтобус. Через буквально две секунды до меня дошло, какой же я осёл. Она и так боится, что я собрался причинить ей вред, а тут ещё и, грубо говоря, намекаю ей на то, что нуж-

но подойти к странному микроавтобусу, да ещё и с выбитым спереди стеклом. Я – просто гений, етить его на вертеле.

– Что? – Вот теперь она удивилась, по её взгляду так и читался другой вопрос «Я, что совсем дура, по-твоему, идиот конченный?». Надо было резко менять вектор нашего взаимонепонимания.

– Он сзади лежит, без сознания..., – не действует. – Я открою дверь, и ты сама увидишь, – твёрдо решив наглядно продемонстрировать ей, что я не лгу, я направился к машине.

Уверенным шагом я приближался к машине. Через голос неспящего города я сумел разобрать сзади ускоренный шаг – Маша быстро приближалась ко мне. Хорошо, возможно, она поверила и хочет убедиться в том, что её брат здесь. Шаги, они как маятник: темп непрерывный, а чем быстрее шаги, тем и щелчки быстрее. Нарушение в быстром заметить намного легче. Доля секунды и я не услышал её шаг, а это значит, что она была прямо за моей спиной. Доверившись инстинкту или чутью, я присел и во время своего контролируемого падения развернулся. Надо мной справа налево, разрезая воздух, пролетела её сумка. Её корпус сильно подался вперёд: она вложила в этот удар всю силу, но в молоко, как говорится.левой рукой я схватил её за руку, а правой рукой ухватился за её левое плечо и направил руки навстречу друг к другу, рисуя невидимый круг. В результате имеем очень болезненный захват, из которого при необходимости можно

было бы легко соорудить перелом, но мне это не нужно было, по крайней мере, сейчас. Она закричала, не от боли, потому что я не прикладывал усилий, просто перенаправлял её же силу, скорее всего, она испугалась от неожиданности.

– Если бы я хотел тебя грохнуть или изнасиловать, или, вообще, задумал зло в отношении тебя, то выбрал бы менее людное место! Подумай головой, девочка! – Грозно, хоть и в полголоса сказал я.

– Отпусти, пожалуйста, – быстро проговорила она, ей было не больно, но сильно некомфортно из-за ограничения её свободы.

– Зачем? Чтоб ты опять попыталась напасть на меня? – Более мягким тоном произнёс я.

– Нет, честно, – сказала она. В мои планы не входило мучать её, мне нужно было быстрее избавиться от головной боли по имени Александр, сплавив его на сестру и всё, поэтому я убрал руки.

Девушка робко выпрямилась, поводила рукой, попавшей в приключения, и не отрывала от меня глаз – она боялась меня, очень сильно. Яркое проявление моего мастерства заставило её мозг включиться.

– Кто ты? – Спросила она.

– По случайному стечению обстоятельств друг твоего брата.

– Он никому не говорил обо мне, чтобы защитить меня. Много раз предупреждал, чтобы я опасалась незнакомцев

вроде тебя.

– Молодец. И как я вижу, ты прислушалась к его советам, но сейчас, поверь мне, экстренная ситуация, из-за которой ему пришлось раскрыть мне некоторые секреты и сказать, как тебя найти. Именно тебя.

– Что случилось?

– Долгая история, сначала надо помочь ему.

– Я поняла, – Маша замотала головой, сейчас это было искренне.

Молча мы подошли к машине, девушка всё равно сохраняла некоторую дистанцию. Я открыл заднюю дверь нашего транспорта, и она увидела его. Весь в грязи, в рвоте и крови Сашка лежал на полу между пассажирских кресел.

– Господи! – Искреннее удивление, шок, страх, боль – всё нашло отражение в её глазах. Девушка пулей влетела в машину и начала осматривать родственника, я закурил и отвернулся от них. Хорошо на самом деле, что люди, шастающие мимо, вообще не обращают внимания на нас, как говорить-ся: «убивают – плохо, но лишь бы не нас...».

Меньше чем через минуту передо мной появился силуэт девушки, испачкавшейся во всём, чём только можно было, и со слезами на глазах. Я молча смотрел на неё и выдыхал оставшийся в лёгких дым после затяга. Уже было подумал о самом худом, как она нарушила зловещую тишину.

– Быстрее, надо ехать.

– Куда?

– Ко мне домой.

После я отвёз Машу и её брата к ней. Переночевал, мне вежливо постелили на полу, а большего мне и не надо было. Утром ушёл.

Следующий день я потратил в поисках постоянного гостя смертельно опасной аномальной зоны. Ну, а как иначе? Обещал – выполняй, а Пилигриму я пообещал, что найду дедушку, который помогал ему чувствовать себя не совсем одиноким в его продолжительной ссылке в виде привидения в нашем мире.

Сказать честно, не очень интересное занятие шастать по соседним деревушкам в поисках незнакомого мне человека, хорошо хоть имя знаю – Сергей Петрович. С другой стороны, пришёл в деревню, поймал любого жителя, да спросил. Деревня, что с неё взять? Все друг друга знают, а попадёшь на особо болтливую бабульку, и ты всё знать будешь. Всю правду, все догадки, вообще всё, что было, да чего не было.

К пяти вечера, обойдя уже пару деревушек, судьба мне улыбнулась. Правда, на само слово «деревня» населённый пункт не сильно походил, скорее посёлок. Железнодорожная станция своя, вокзал хоть и в плачевном состоянии, но был. Асфальт положен, и машин немного, но есть. Дома, хорошее сочетание деревянных с плиточными, выстроенными в два этажа. Своя школа, как потом мне сказали местные жители, даже две. Стадион неплохой довольно. Рюмочные,

дом культуры, полиция. И, вроде, уже как город, а направо, может в полукилометре – поле, за ним лес: хороший лес, не больной лес, приятный. Из-за него во всём населённом пункте дышится легко и комфортно. Возможно, из-за отсутствия огромных домов здесь несколько холоднее, но это не плохо. На минуту в голову ударит, что ты в городе: поезда ходят, машины сигналият, люди разговаривают, а глаза закроешь и слышишь ветер и лёгкую тишину. Нет, это не город, но разве это плохо? В голову врезалось желание просто остаться здесь, забыть городскую суету и стереть с себя мишень, спокойно по ночам ложиться спать и не бояться, что не проснусь. Забыться и погрузиться в этот сон. Но нет, я не могу так...

Встретившийся на дороге мужчина любезно направил меня к дому Сергея Петровича. Для утоления голодного интереса односельчанина я поведал ему интересную историю о моих поисках родного деда, который жил здесь, хорошо хоть дёрнуло выстроить легенду до приезда сюда.

– А почему у вас фамилия другая нежели у деда? – Естественно услышал я после того, как скормил чушь незнакомцу, теперь нужно было, чтобы он её проглотил.

– Так потому что он отец мамы, а мама вышла замуж, так у меня фамилия её мужа, а родители давно погибли, так вот и фамилии деда я не знаю. Да и вообще о его существовании узнал недавно и случайно, – легко парировал я. С той же лёгкостью отметал и другие вопросы, не вызывая особого

подозрения.

Наконец, разговорчивый малый не только показал мне жилище искомого, но ещё и проводил до него. На пороге мы распрощались, и я направился к дому. Дряхлая калитка, ни сегодня-завтра рухнет, как пить дать. Слева деревянный столик, от него метрах в трёх был оборудован из кирпичей самодельный мангал. Справа деревья разные, яблоню-то я узнал, а вот второе и третье дерево были далеки от моих познаний садоводческих культур. Дом небольшой, но сделан на славу. Сразу почему-то понял, что всё вручную сделано с нуля, от него пахло силой и трудом, которые были в него вложены. У входа огромная, железная бочка, я заглянул внутрь – вода, логично. Направил взгляд вдаль и заметил, что дорожка не заканчивается, она уходит вниз, где обширно раскидываются владения хозяина. Дом отделён от главного хозяйства большой полосой фруктовых деревьев, не соврать бы, метров сто-сто пятьдесят одни деревья, большинство яблонь, а дальше множество деревянных пристроек для содержания скота. У хозяина водились свиньи, коровы, быки, гуси, козы, да и огород немаленький. Вот так обман, с дороги, с которой видишь дом, ничего этого просто не видно, потому что ныряет вниз, словно дом стоит на холме, да так оно, наверно, и было. Сколько сил потребовалось убить, чтобы сделать такую империю, в которой живёт один человек и много животных?

Я услышал рычание, направленное на меня, и напрягся.

Ну, правильно, без собаки не обойтись. Медленно посмотрев по сторонам, я не обнаружил источник, мои поиски прервал голос.

– Тоша, ты кого учуял? – Голос был приятный, в меру грубый, но с усмешкой какой-то. У меня почему-то в голову стрельнуло одно: учитель..., причём либо географии, либо русского языка. – Рядом! Разбойник. Пойдём, – меня напрягало, что я по-прежнему никого не видел. Я не знал, куда смотреть, в сторону скотного двора, огорода или обернуться назад. – Вы кого-то ищите? – Вежливо сзади поинтересовались у меня.

Спокойно повернувшись, спрятав все мои непонимания за маску этакого адвоката, серьёзного, делового, я посмотрел на старика. Он был лет семидесяти, невысокого роста, с усами и неплохой шевелюрой пепельного цвета, в армейской куртке, джинсах и высоких сапогах, скрывающих ногу по колено.

– Здравствуйте. Сергей Петрович? – Не своим голосом спросил я. Голос мой шёл словно из самого центра живота, он был грубее, но без нерва, успокаивающий, приятный бас.

– К вашим услугам, молодой человек, – слегка сделав кивок головой вперёд, сказал старик и продолжал смотреть на меня.

Заминка. Я не знаю, что говорить, как ему сказать о том, что я общался с привидением, и оно просило меня заглянуть в гости. Мне можно будет сразу психиатрическую лечебницу

вызывать. Нет, всё не так, представьте вопрос: «вы случайно не шастаете на озеро? Так вот, если да, то Дух Озера очень просил вас продолжить ваши похождения». Найти-то я его нашёл, и то не факт, что он, а вот как говорить с ним, я не подумал.

– Молодой человек, успокойтесь. Не пытайтесь строить сложных и правильных предложений, скажите мне обычным корявым человеческим языком, чего вы хотите? – Интеллигентно сказал мне дедушка. Не поверите, как камень с плеч упал. Хороший настрой на беседу с обеих сторон снимает все оковы и стеснения, видно было, что у моего собеседника тоже был живой интерес к нашей беседе, по нему этого не было заметно, но каждый хозяин желает знать, что хочет незнакомец, пришедший без приглашения в гости.

– Дух... Озера..., – я по-отдельности, с паузой произнёс два слова и ждал реакции деда. У старика же в ответ на это поднялись брови, но в остальном лицо не изменилось.

– И что Дух Озера? – Сергей Петрович развёл руками в стороны.

– Он просил меня найти вас и сказать, что вас этот водоём никогда не тронет. Приходите, когда вам угодно, – меня передёрнуло, будто я в кабинете директора отмазываюсь от очередного своего косяка. Прямо как в детстве.

– Молодой человек, вы в своём уме? – Улыбнулся дед.

– Я да, – твёрдо заметил я, но, по правде говоря, общение с привидениями, прогулки по аномальным зонам, встречи

с оборотнями и всяким другим дерьмом... Нет, я уже не в своём уме. Я ещё и пил с этим самым привидением, кошмар, я уже пью не пойми с кем.

– Я ходил на тот лягушатник с самого детства и продолжу на него ходить, что бы ни говорили, – улыбнулся старик. – Что же касается Духа, находящегося ко мне в приятном расположении... Я рад, благодарю вас, но я не верю, что вы пришли сюда только для того, чтобы передать мне послание с того света, – совершенно без эмоций дед закончил фразу. «Он вообще мне верит?», задумался я.

– Да, только ради этого и пришёл. Он сохранил мне жизнь и попросил об одолжении: найти вас и поговорить. Он волнуется о потере приятного собеседника и совсем не глупого человека.

– Вы понимаете, что это похоже на бред сумасшедшего? – И снова без эмоций спросил дед, он был спокоен, как глыба льда.

– Я понимаю ваше недоверие, но всё же это так. Поверьте, Сергей Петрович, не всё мы можем объяснить с помощью науки. В понимании особых вещей помогает только вера, а она либо есть, либо её нет.

– Я знаю, молодой человек, знаю..., – спокойно проговорил дед и улыбнулся.

– У меня всё, дальше дело за вами. До свиданья.

Мы попрощались с хозяином, и я покинул его территорию. Теперь у меня осталось только одно дело – забрать день-

ги. Для этого я вернулся в Санкт-Петербург.

Глава 2. Увидеть Париж и не умереть

Дом, милый дом. Старый подвал, освещённый несколькими керосиновыми лампами. Огромная библиотека, оставленная мне прежним хозяином. Матрас, столик и вездесущие трубы. Я помню, как Вепрь привёл нас сюда в первый раз. Мы были замученными и уставшими. Тогда, эффектно появившись, он спас нам жизнь. Седой был сильно ранен, я боялся, что он погибнет, возможно, не из-за ранения, а от большой потери крови, но Вепрь спас его. Он творил чудеса – наш волшебник, мастер выживания. Чему-то я успел у него научиться, поэтому довольно неплохо скрывался от инквизиторов, пока их официальная охота на деле не окончилась. Меня оставили в покое, и я благополучно вернулся в этот подвал. Я сильно привязался к этому месту, оно было пропитано страстью к жизни, духом борьбы. Иногда ко мне заглядывает Котёнок, теперь для всего мира он является моим усыновленным подопечным, но я думаю, что мой контроль не сильно ему нужен. Что я вообще могу дать человеку, который прошёл со мной плечом к плечу через кровопролитную, жестокую, братоубийственную войну? На деле он оставался моим другом, правда, иногда меня вызывали в школу на родительские собрания – просто хуже не придумаешь. Приходишь туда и два часа борешься со сном, когда тебе втирают, что твой подопечный снова подрался или гру-

бо высказал учителю свою точку зрения на какой-либо вопрос. С оформлением документов помогла, кстати, Стая за небольшую услугу, и с тех пор я выполнял, но уже за деньги, предложенные ими контракты. Было их не так много, но всё-таки хороший доход, солидная помощь. Так что о том, что мне грозила опасность, можно было и не думать, но я всё равно думал об этом. Постоянно думал. Всегда был настороже, пытался видеть на несколько ходов вперёд, и раз я пока жив, значит, мне это удаётся.

После столь опасной вылазки я отсыпался почти двое суток. Сил совсем не было, не хотелось ни есть, ни пить, только курить и спать.

Со стороны улицы слышались быстро приближающиеся шаги, по ним можно было без сомнений сказать, что идущий направляется наверняка, зная всё, с чем он тут встретится. Я очень часто спал в одежде, чтобы не тратить время, если придётся быстро вставать – эта привычка ещё с военных действий осталась. Странно, я заметил такую штуку, что война уже год назад как закончилась, но я продолжал жить в ней. От шума я открыл глаза и, не издавая звуков, быстро встал с постели, вытащил из-под подушки револьвер и, подойдя ко входу, встал спиной вплотную к стенке. Если зайдёт незнакомец – пуля ему гарантирована. Я сделал глубокий вдох и внутри сжался, словно пружина, готовая резко разжаться. Шаги с той стороны остановились, он не мог слышать меня, я сделал всё ювелирно тихо. Если только это...

Котёнок.

– Опять оружием пугать будешь, – с другой стороны стены донёсся этот тонкий, в данный момент раздражающий, но всё же родной голос и через мгновение в дверях появилась родная морда.

– Когда-нибудь я тебя пристрелю, – с иронией произнёс я и направился к дивану, чтобы убрать револьвер под подушку, где ему сейчас самое место.

– Когда вернулся? – Поинтересовался этот мелкий комок проблем.

– Не знаю, дня два назад. Сильно устал, очень много сплю, – ответил я.

– Правильно, восстанавливай силы, – улыбнулся Котёнок.

– Что случилось? – Спросил я, увидев его необычно довольную морду лица.

– Да ничего, – начал отмазываться мой подопечный.

– Кошак! – Повысил я голос, а потом мягко добавил, – не нервируй меня.

– Всё как обычно. Надо тебе, папуля, в школе моей появиться, – улыбнулся он.

– Что на этот раз? – Уже смирившись с предстоящим выносом мозга, спросил я.

– А вот на этот раз не из-за меня, ну из-за меня, но...

– Короче.

– Конец учебного года вот и проводят собрание.

– Ты в каком классе, засранец? Напомни отцу, – зевая,

спросил я.

– О, как всё запущенно. Папка, очнись, – Котёнок начал щёлкать пальцами над моей головой. – Девятый как-никак. В этом году выпускной у меня, – засмеялся он.

– Да ладно? – Удивился я.

– Поверь мне, – дурачился этот мелкий проныра.

– Значит, нашей принцессе нужно покупать выпускное платье? – Улыбнулся я.

– Ой, как смешно, – надулся бедный малый.

– Один ноль в мою, лошара. Будешь королевой балла, – засмеялся я. Мы постоянно подкалывали друг друга.

– Шутник блин, – засмеялся Котёнок, не имевший уже сил сдерживаться и дуться напоказ. Смех прошёл, а желание спать осталось. Я развернулся и направился к матрасу.

– Тебе придётся прогуляться до моей школы, как бы тебе ни хотелось отвертеться, – продолжал улыбаться мелкий. У меня совсем не было сил, я много зевал и чувствовал, как сильно слипаются глаза.

– Ну, это нормально, – сказал я и плюхнулся на матрас. – Когда собрание?

– Через неделю.

– Отлично, успею купить вазелин, чтобы доблестно держать удар за твои приколы, – замученно пояснил я.

– Ну, паа-па, – кривлялся Котенок, изображая девочку, просящую денег у родителей.

– Как ты мне дорог, – улыбнулся я.

Котёнок посмотрел на меня, покачал головой и снова засмеялся.

– Панк, год прошёл, а ты всё не пойми как живёшь. Выйди уже на свет, хватит сидеть здесь, как пещерный человек. Кто знает, может, и девушку найдёшь себе, – он продолжал улыбаться.

– Кошак, сейчас я хотел бы встать и отвесить тебе подзатыльник, но природная лень удерживает меня.

– Что-то ты совсем плох, – Котёнок констатировал самую явную вещь, просто гений наблюдательности. – Схожу до магазина, куплю тебе поесть, уважу, так сказать, старика.

– Ой, уйди уже куда-нибудь. Будь человеком, – попросил я.

– Не за что, – засмеялся мелкий и поскакал к выходу. Я же вырубился минут через пять и проспал ещё часов семь.

Такое тоже бывает, просыпаешься от того, что затекла спина, тошнит от жажды и ужасно хочется закинуть в себя чего-нибудь. Простреливало в правую нижнюю часть спины. Я повернул голову налево и увидел на полу пакет. Нехотя встал с матраса, подошёл к нему. Ух ты, с едой! Котёнок-таки сходил в магазин, а вернувшись, застал меня спящим, не стал тормозить и ушёл. Вот сейчас просто нечеловеческое спасибо ему. Консервы, чай, всякие штучки быстрого приготовления, а что делать? Так и живём. Кипятильником согрел себе стакан воды, опустил в полученный кипяток чай-

ный пакетик и ножом открыл банку консервов. Прекрасно, что может быть лучше. Вот самое отличное, когда сильно хочешь кушать – и просто ешь, сильно хочешь пить – берёшь и пьёшь, в этом деле главное, чтобы было то, чего тебе хочется. Хочешь курить и... Котёнок, пятнадцатилетняя маленькая бородавка не купил тебе сигарет. Вот он – облом. Я засмеялся про себя, всё-таки придётся выйти на свет людской. Когда праздник живота закончился, я поплёлся в ближайший круглосуточный магазин, так как спал аж до часу ночи.

Тьму, окутавшую город резали яркие фонари, свет из окон домов и фары, проезжающих мимо машин. Людей много на улице и правильно, зима прошла, и теперь все стараются наверстать упущенное. Смех и громкие эмоциональные разговоры доносились со всех сторон. Я соскучился по ним, по звукам ожившего города. Прямо посреди тротуара два молодых музыканта уютно устроились и играли на гитарах красивую музыку для тех, кто не спал. К ним подходило много людей. В тот момент, когда я на них обратил внимание, ребята уже собрали хорошую публику, примерно человек тридцать. Девушка со смешной шляпой проходила мимо слушателей, мирно наслаждавшихся музыкой и, улыбаясь, просила помочь молодым музыкантам.

Ребята заиграли что-то до боли знакомое, и я решил, что мои сигареты из магазина никуда не убегут, если я задержусь на одну песню.

«Замер троллейбус в троллейбусном парке,

*Перепутал механик провода по запарке,
Выключив лампочки в сорок электросвечей,
Люди ночами делают новых людей...»*

Александр Васильев, Сплин. Конечно, мне знакомы эти строчки. Ребята очень красиво играли, не позорили группу своим исполнением. От такого лёгкого, приятного душевного спокойствия ещё больше захотелось курить. Захотелось ненавязчиво, просто пускать дым и слушать исполнение. Ко мне тоже подошла та девушка со смешной шляпой и с зелёными средней длины волосами. Оригинально, даже можно сказать красиво, по крайней мере, мне понравилось. Ей такой цвет очень шёл к форме лица и к глазам. Бесит, когда девушки красят волосы в один цвет, а кончики в совершенно другой и цвета выбирают такие, что прям хочется к чертям спалить это убожество. Я думаю, они просто выбирают цвета, которые отражают их состояние души в данный момент, может это и правильно, плюнув на мнение других делать то, что хочется, даже если это выглядит глупо и неряшливо для кого-то. Я улыбнулся девушке и положил в шляпу пару сотен, сколько взял из кармана. Редко даю деньги музыкантам, но если они проникают прямо в душу, то почему бы не помочь ребятишкам. Вообще восхищаюсь игрой на гитаре, да и в принципе на музыкальных инструментах. Когда человек умеющий берётся за дело, то из обычных вроде бы, казалось, деревяшек со струнами или длинных трубок с дырками выливается по истине волшебная, ласкающая или нагнетающая

композиция. «Коль, музыка, ты – пища для любви, играйте громче!», Уильям Шекспир был прав, как всегда прав. Хотелось громче, хотелось, чтобы эта музыка захватила меня в плен, и непроизвольно моё тело пустилось в танец. Дослушав песню, я направился в магазин.

На крыльце магазина я открыл только что купленную пачку сигарет, достал оттуда одну штуку, зажал между губ и поджёг. Втянул табачный дым и закрыл глаза. Кайф. Снова этот едкий дым попал в меня, снова он задёргал струны души и подарил мне наслаждение. От долгого перерыва между приёмами яда у меня в голове появился ветер и всё пространство вокруг меня слегка поплыло. Неужели я дождался, вот она – зависимость, самая страшная штука. Бывает, что каждый день рискуешь жизнью, спасаешь её крепко сцепив зубы, никому не даёшь её отнять и сам же гасишь её вот этими маленькими мерзавцами. Сам убиваешь себя, но почему-то эта частичка смерти такая приятная, такая нужная. Думаешь, что нужная, в голове сотни раз прокручиваешь, что надо бы бросить, потом собираешь все силы в кулак, ломаешь сигарету, говоришь и искренне веришь, что всё! Бросил, избавился от неё, готовишься к худшим двум неделям своей жизни, но всё же потом опять берёшь сигарету. Через неделю, через месяц, снова берёшь её и опять сажаешь себя на крючок. Глупо... Вот вам и проявление слабости...

С чувством выполненного долга я взял курс к дому и уве-

ренно зашагал в своём направлении. Прошёл мимо тех же музыкантов, они уже закончили свой ненормированный рабочий день, ну ладно, рабочую ночь и прощались с публикой, которая так любезно подарила им немного денег в обмен на бесценные эмоции. Они потом будут говорить своим знакомым, на каких хороших музыкантов случайно наткнулись ночью и остановились послушать и всё такое. Завернул за угол, шёл переулками, и...

Что-то острое упёрлось мне в правый бок, и холодное лезвие ножа легло мне на кадык. У меня дежавю..., холод пронзил моё тело, быстро я начал мёрзнуть, напрягся, занервничал, сглотнул подоспевшую слюну во рту и ждал.

– И снова добрый вечер, – улыбаясь, произнёс голос сзади. – Я вижу, ты так и жаждешь аудиенции с апостолом Павлом.

Как же он был мне знаком и практически сразу я понял, где его слышал. Этот голос когда-то сказал мне, где искать Слеша. Я тяжело выдохнул и успокоился.

– Всегда надо появляться именно так и упоминать апостола Павла? Хоть раз бы зашёл по-человечески в гости с бутылочкой водки и рассказал бы мне всё, что угодно, – нервно, ехидно проговорил я в пустоту.

– Нет времени дурачиться, – одёрнул меня пришелец. – Кто-то очень назойливо старается тебя слить.

– Зачем? – Удивился я. – Кому я мог насолить, обитая в подвале с крысами и постоянно борясь за свою жизнь?

– Вот этого я пока не знаю. Твой последний рейд был задуман с расчётом на то, что ты не вернёшься. Надеюсь, это ты уже понял? – Блин, ну просто Вепрь номер два, ещё и указывает мне на мою тупость таким противным поучительным тоном.

– Мне всё интересно, тебе-то, зачем помогать мне? Кто ты? В прошлый раз ты так и не раскрыл карт, – любопытствовал я.

– Скажем так, я – твой внештатный ангел-хранитель, пока с тебя и этого хватит. Скоро с тобой расплатятся за рейд, и советую тебе исчезнуть на время, – пояснил мне сложившуюся ситуацию незнакомец.

– Надолго? – Поинтересовался я.

– Пока я не вычислю того, кто мечтает о твоей смерти, – ответил голос.

– А в днях, неделях или месяцах хотя бы? – Съязвил я, не услышав конкретного ответа.

– Не умничай, – грубо прервал мою издёвку голос.

– Ну, вот так всегда, – засмеялся я.

– Я смотрю, ты больно наглым стал. Очень не похоже, чтобы ты переживал за свою жизнь, – начал давить на мою неосторожность незнакомец. Видно дело нешуточное и лучше бы мне действительно исчезнуть куда-нибудь.

– Я уже думаю о путёвках в тёплые края, – смеясь, сказал я. В последнее время замечаю, что часто смеюсь, когда дела обстоят совсем плохо. Наверно, это моя защитная реакция,

чтобы не удариться в панику. Раньше такого не было.

– Пакуй чемодан, придурок! – Лезвие быстрым, ловким движением удалилось от моей шеи, то, что кололо в бок, тоже убрали, и незнакомец исчез за моей спиной, словно его там и не было мгновением ранее. Я стоял на месте, как вкопанный. Медленно достал из кармана открытую пачку сигарет и закурил. Нервов не было, только жалость и обида. Обида на себя. Сколько ни тренировался, ни учился, а всё равно есть тот, кто сильнее, и в конечном итоге я погибну. Я ведь не почувствовал того, что сзади кто-то приблизился ко мне, даже не дёрнулся, когда в бок сзади тыкнули чем-то, никак не постарался спасти себя. Самое страшное чувство, когда ты искренне веришь, что что-то можешь, а на деле – тебя всё равно обходят. Всё равно есть тот, кто лучше.

Докурив, я направился домой.

Часов в десять утра зазвонил телефон. Оперативно, однако, работает Стая. Я в городе пару дней назад появился, а меня уже вычислили и уже связаться со мной пытаются.

– Слушаю, – спокойно произнёс я.

– В 14:00, Варшавская улица дом 19 корпус 2, возле дороги, – быстро проговорили мне и связь оборвалась.

Я быстро записал адрес и, сломав телефон пополам, положил его в карман, чтобы выбросить подальше от дома. Теперь нужно было узнать, куда мне направляться, потому что Питер совсем не маленький. Знать прямо все его ули-

цы поимённо просто было невозможно. Карта, потрёпанная, старая, верно служившая Вепрю, потому что он не доверял электронике и всякой современной аппаратуре, подозревая, что по ним его легче всего будет вычислить. Вепрь, естественно, пользовался изобретениями, но только теми, которые изобрёл сам. Теми, в которых он был уверен на все сто.

Варшавская улица оказалась в окрестностях метро Электросила, занесла же меня нелёгкая. Короче, в 13:58 я был в назначенном месте.

В 14:00 ко мне подошёл мужчина, в котором с первого взгляда я узнал собрата инквизитора. Он был с чемоданчиком. Под два метра ростом, короткостриженный, накаченный, в белой майке, его руки и плечи были открытыми и очень огромными. Лицо, напоминало квадрат, правда, не идеальный. Рыжие, выцветшие волосы, ломаный нос, вытянутая вперёд нижняя губа – орангутан одними словом, но мощный, по крайней мере, на вид.

Подходя ко мне, он смотрел мне прямо в глаза, это действие могло производить ужас, уж очень эффектно эта масса переливалась на фоне городского пейзажа, приближаясь всё ближе и давя на меня своей тенью. Внушительные размеры, но как известно, чем больше шкаф, тем громче падает. С подобными мыслями я совершенно спокойно ожидал продолжения. Куча мышц остановилась в метре от меня, потом сделала шаг вперёд и поставила на землю чемодан, после отошла назад.

– Велено передать, – сказал он обычным голосом. Я-то думал, сейчас какой-нибудь грозный бас издаст эта машина, а тут совершенно обычный голос.

– Кем? – Спросил я.

– Этого не велено говорить, – ответил человек-слон. – Где товар?

Я достал из внутреннего, нагрудного кармана, жестяную коробочку высотой примерно пятнадцать сантиметров и с квадратным основанием около пяти сантиметров, бежевого цвета, с красными узорами снаружи. Большими красными буквами на трёх сторонах снизу было написано «Манная», на четвёртой стороне маленькими чёрными буквами «Завод... Ленинград» надпись была подтёртая и разобрать, что на ней было ещё, не представлялось возможным. На дне был выбит квадратный штамп и надпись «Цена 45 коп».

– Лови, – сказал я и кивнул в сторону верзилы.

– Давай, – сказал он, и я кинул ему коробочку. Без труда бугай её поймал, открыл, посмотрел внутрь, через несколько секунд его изумлённый взгляд поднялся на меня.

– Забирай деньги. Адью, – он закрыл коробочку, сунул её в карман и, развернувшись, пошёл прочь от меня.

– Стой, – громко сказал я и мой собеседник насторожившись, повернулся, приготовившись сразиться со мной.

– Что? – спросил он.

– Возьми это. Передай старшим инквизиторам, – я протянул ему звёздочку Советского Союза и блокнот, принад-

лежавшие когда-то давно Пилигриму. Взяв их, инквизитор странно посмотрел на меня напоследок и удалился, а я, убедившись, что чемодан наполнен деньгами, быстро направился к своему пристанищу.

В дальнейшем из того миллиона заработанных рублей, триста тысяч я телепортировал Шурику с запиской, в которой советовал ему поменять место жительства и сменить профессию. Шестьсот тысяч отдал Котёнку: часть на траты и часть на хранение. Он так и оставался единственным, кому я мог доверять, и, оставив на карманные расходы примерно сто тысяч, я решил отправиться в заслуженный отпуск. Чтобы немного отдохнуть от Питерской депрессии и, возможно, ещё подзаработать. Размышлять над местом долго не пришлось: «à la guerre comme à la guerre» вечная фраза Вепря, да и Генри Шрифт, он же Володя Шрифт. В общем, Париж.... Кто не мечтает побывать в Париже? Ну, я, например. Честно говоря, мне было плевать, куда. Париж, Франция – хорошо, пусть будет Париж. Мне просто хотелось пройтись по следам Вепря, и это желание было сильнее всего.

15 мая 2017 года.

– Фадеев Максим Юрьевич, двадцать семь лет, известен как Панк. Прошёл инициацию в инквизиторы в январе 2014 года. В начале декабря 2015 был повышен до инквизитора среднего ранга за заслуги в оперативной работе. 21 декабря 2015 года в соответствии с кодексом был объявлен отступ-

ником. Приговорен к смерти. Во время боевых действий показал себя крепким орешком. Один тот факт, что его наставники Седой и Вепрь склеили ласты, а он чистеньким вышел из воды говорит о многом. Но, как ни крути, он – отступник! И, по моему мнению, представляет угрозу для всех нас. Его необходимо ликвидировать и как можно раньше. Мы не располагаем достаточными сведениями о его местонахождении, но я точно знаю, кто хорошо знает о нём, – улыбнулся высокий мужчина, с тёмными средней длины волосами, в очках, с порезами на щеках, а затем продолжил:

– Самсонов Мирон Валентинович, тридцать четыре года, он же Вулкан. Прошёл инициацию и приступил к оперативной работе в 2003 году. Инквизитор высшего ранга. 21 декабря 2015 года в соответствии с кодексом был также объявлен отступником. Приговорен к смерти. Местонахождение неизвестно.

– Маршал, вы забываете о том, что война кончилась больше года назад. И то, что решение по признанию инквизиторов отступниками в ныне несуществующем отряде боевых рейдовых инквизиторов, специалистов по нечисти среднего уровня, не поддержали в других регионах! А значит, охоты на уцелевших не будет! – Возразил ему усатый блондин, спокойно куривший сигарету, стоя у самого выхода из помещения, выбранного для неофициального собрания.

– Эдуард Берталан, да кто же говорит о войне? – Улыбаясь, развёл руки в стороны докладчик с уродливыми шрама-

ми на щеках.

– Сколько раз я просил меня так не называть! Моё имя Мортус, прошу запомнить, – разозлился человек и сжал горящую сигарету в кулак. На что первый мужчина просто улыбнулся и покачал головой.

– Хорошо, – улыбнулся Маршал. – Так вот, я говорю о том, что бойни, охоты, войны не будет. Тут убивать-то некого. В живых остались только Панк да Вулкан.

– Этот факт, как раз и вызывает подозрения у инквизиторства! За год исчезло шесть инквизиторов, которые считались отступниками у Арнамента. Война закончилась, а кровь инквизиторов проливается!

– Кровь отступников! Я не прошу вашего одобрения, вашей поддержки и даже вашей помощи. Я и дальше могу всё делать сам.

– Маршал, зачем вам это?

– Они отступники. Им не место в этом мире. Они давно подписали себе смертный приговор.

– Даже, если так думаешь только ты? – Блондин был явно недоволен.

– Так думаю не только я, поэтому без особых усилий с помощью единомышленников мы устранили шестерых, но оставшиеся в живых представляют серьёзную опасность и прежде, чем нападать на них, я хотел ещё раз поговорить с вами, чтобы прийти к общему соглашению.

– Соглашения не будет! Точка!

– Жаль, очень жаль, – проговорил мужчина и, прикусив губу, направился к выходу. Остановился в дверях, вздохнул, покачал головой и неторопливо направился дальше. Инквизиторы из помещения тоже начали потихоньку расходиться.

– Мортус не сломался, надо действовать через Егора, – сказал по телефону кому-то Маршал.

17 мая 2017 года.

Ливерпуль. Международный аэропорт имени Джона Леннона.

Пасмурный, быстро убегающий вдаль день. Сигналы машин, крики прохожих, сумки, чемоданы. Аэропорт, как и вокзал: хаос и постоянные столпотворения народа выделяют эти места из привычной картины города. И ведь именно эти места самыми первыми попадают на глаза туристам, людям с рабочими визитами и просто вернувшимся домой. На кого-то нападает тоска, что, мол, снова придётся возвращаться к рутинной работе, кто-то дышит полной грудью и искренне верит, что в другом месте даже воздух отличается от привычного, домашнего, что ли, воздуха. А таксисты, как и представители туристических экскурсий, уже толпятся и предлагают свои услуги.

Ливерпуль – Английский Питер, город, имеющий славу депрессивного и мрачного, но, несмотря на это, он замыкает пятёрку самых больших по величине городов Великобритании. Вода реки Мерси, на которой раскинулся Ливерпуль,

как и Нева, имеет свой залив. Возможно, именно по этим причинам, чтобы чувствовать себя почти как дома, он направлялся в этот город.

Недалеко от входа в аэропорт расположились два бойца разведывательной службы Великобритании. Фотографию гостя они уже давно запомнили, как лицо королевы. Ожидание и контроль над ситуацией – вот что сейчас главное. В фургоне, припаркованном на стоянке возле аэропорта, в полной боевой готовности находились бойцы специального подразделения SAS. Сотрудники были также внутри самого здания аэропорта. С холодным расчётом, переговариваясь с помощью гарнитуры, все ждали посадки самолёта из Будапешта. По их сведениям в Англию направлялся террорист, завербованный одной из крупных исламистских террористических организаций Азии, действующей на территории практически всего земного шара, чтобы провести серию терактов в крупных городах Англии. Опасный, хладнокровный убийца, готовившийся уронить на серые города Альбиона банку красной краски, перепачкать в крови некогда джентльменов и кинуть горсть песка в глаза самой королевы. Информацию предоставили русские. Благодаря усилиям российских специальных служб за подозреваемым проследили до Новосибирска. Хитро скрывавшись от камер и полицейских постов преступник с помощью поездов и автобусов добрался в глубь страны, но якобы целью в этот раз была не Россия, а что-то другое. Оттуда из аэропорта Толмачёво он вылетел в Буда-

пешт, но не пробыл там больше положенного, и в тот же день отбыл из международного аэропорта имени Ференца Листа в Ливерпуль.

– Всем приготовиться, парни, самолёт идёт на посадку, – сообщил ведущий специалист, отвечающий за проведение операции. – Помните, при возможности брать живым, открывать огонь, только в крайнем случае.

Время быстро бежало вперёд. Мерно тикая, стрелки приближали всех к апогею операции. Опасный зверь, терроризм – это преступление против человечества. Проявление агрессии по отношению абсолютно ко всем. Но не должно быть никакой шумихи, нервы в узел и чётко, спокойно выполнить свою работу. Нельзя забывать, что в аэропорту много гражданских, поэтому точный, эффективный, зубастый, быстрый захват и всё..., по домам.

Как на зло агентам туманный Альбион залил ослепительно яркий солнечный свет. Он бил через множество стёкол в само помещение. Да это в придачу к тому, что скоро хлынет поток народа и по серым, местами белым, а где-то довольно тёмным плитам аэропорта, быстро перебирая ногами, побегут к выходу люди. Террорист может смешаться с толпой или нанести удар прямо тут.

– Фрэнк, ты где? – Весело спросил один из сотрудников.

– Возле памятника, у лифтов. Мэтью, а что смешного? К нам направляется чёрт знает кто, а ты смеёшься.

– Да так, настроение хорошее. В покер играем сегодня?

– Как обычно.

– Хорошо, надеюсь в этот раз, я отыграю свои фунты.

– Тишина в эфире, – громко объявил старший.

– Фрэнк, а если этот русский хочет нашу жёлтую субмарину взорвать? Выйти и прямо у входа в Саддама сыграть.

– Мэтью, заткнись.

– Капитан, люди пошли!

– Вас понял. Всем внимание! Смотреть в оба, докладывать обо всех происшествиях и странностях. Естественно, если клиент засветится, немедленно сообщать!

Разговоры, крики, люди рады встречи друг с другом, и только где-то на заднем плане в чёрной кожаной куртке и джинсах шёл гость. На вид ему было тридцать с небольшим. Короткие волосы, фигура спортивного телосложения с очень выделяющимися руками.

– Капитан, я его вижу. Следую за ним.

– Вас понял. Приготовиться к захвату.

Странное чувство возникло у русского. Давно он не испытывал такого, но ни с чем не мог его спутать. Слежка, может просто паранойя, но всё же он остановился, поставил на пол средних размеров переносную сумку и потянулся, зевая и разворачивая корпус. Благодаря этому жесту гость великой Британии огляделся и заметил проявление к его персоне нездорового интереса у парня сзади в джинсовой куртке и кепке. Размяв кости, после долгого пребывания в сидячем положении, мужчина направился в сторону от выхода.

– Капитан, он поменял направление, движется вглубь аэропорта.

– Следуйте за ним. Ничего не предпринимать, если не уверены в своих силах, – «что-то здесь не так», подумал старший.

– Капитан не волнуйтесь, вижу Фрэнка, вижу цель, следую за ними.

Гость снова остановился, поставил сумку. Он уже понял, что за ним следят, но зачем? Кому он нужен? Хотя, может, к русским ко всем такое отношение за рубежом. Быстро перебирая варианты в голове, инквизитор посмотрел на служебную дверь, располагавшуюся слева от него, и резко, оставив сумку просто на полу, зашёл в неё.

– Капитан, у нас ЧП. Террорист оставил сумку и исчез, подозреваю, что в сумке взрывное устройство, но место выбрано не очень подходящее.

– Фрэнк, почему не подходящее, – перебил его коллега. – Смотри, если рванёт здесь, то аэропорт сложится.

– Заткнулись оба! Сапёров на место бегом! – Скомандовал босс.

Обойдя по приличному радиусу сумку, сотрудники, держа руки на оружие, зашли в служебную дверь и увидели в конце длинного коридора его.

– Капитан, вижу русского, следую за ним.

– Фрэнк, я с тобой.

Сотрудники начали преследовать гостя, который лов-

ко уходил в запутанные коридоры, находил невозможные маршруты в совершенно незнакомом месте. Поворот, ещё поворот. Фрэнк сделал шаг за следующий угол и его встретил мощный удар в голову. После этого русский схватил за горло сотрудника безопасности и повернул к себе спиной, прикрываясь им, словно щитом. Мэтью быстро выхватил пистолет, но стрелять не мог, потому что перед дулом пистолета находился напарник.

– Тревога! – Услышав о драке, капитан отдал единственный, как ему казалось верный приказ, – стрелять на поражение!

Русский заметя, что парень с оружием замялся, кинул на него напарника, и взялся за дуло пистолета, который Мэтью направил на него. Ловким движением забрал оружие себе и двумя выстрелами приговорил обоих. После этого быстро удалился с места своего преступления. Быстро продвигаясь вглубь аэропорта, русский перебирал возможные дальнейшие комбинации и выходы. Снял куртку, кинул по дороге, вышел из служебных помещений, ловко вошёл в толпу и попытался слиться с ней. Проходя мимо мест ожидания рейсов, на линейке стульев он увидел куртку, которую можно было спокойно и быстро прихватить, чем он и воспользовался. На ходу схватив куртку, а вторым движением надев её на себя, он продолжал двигаться.

Впереди шел мужчина, в его левой руке солнцезащитные очки, а в правой телефон. Подойдя сзади, русский слегка

коснулся правого плеча мужчины, тот повернулся, но, ничего не заметив, вернулся в прежнее положение, правда, очков в своей руке уже не ощущая.

Итак, в чёрно-зелёной ветровке, джинсах и чёрных очках русский в толпе направлялся к выходу. По пути прикупив газету и скрыв по максимуму своё лицо от недоброжелателей. Также успел обратить внимание на свою брошенную сумку, возле которой крутились мужчины со специальным оборудованием. «Да, мои носки и трусы могут взорваться», подумал русский и улыбнулся. Быстро с газетой вышел из аэропорта, выкинул газету и во время следующего шага получил пулю между глаз от снайпера.

Вулкан погиб.

17 мая 2017 года.

Позже. Санкт-Петербург.

– Кто, чёрт возьми, этот человек! – Кричал строгий мужчина в военной форме.

– Один из наших оперативников, в прошлом, – ответил Маршал и закурил.

– Ты сказал, что они не проблема! Этот «не проблема» сумел замочить двух сотрудников специального подразделения. Идиот! Это хорошо, что мы им сами его сдали, а то на нас бы всех собак повесили!

– Егор Павлович, что вы, в самом деле? Главное, что одна из проблем решена. Это нелюди. Это предатели, которых

надо уничтожать.

– Хорошо, что не произошло конфликта с их службами. Ладно, – вздохнул мужчина лет пятидесяти. – Скажи, сынок, не жалеешь хоть, что ушёл от нас?

– Никак нет, товарищ полковник. Я продолжаю служить людям, только немного по-другому.

– И не расскажешь, что да как?

– Егор Павлович, не могу, честно. Вам, как отцу, всё могу, но эту тайну раскрывать не имею права.

– Хорошо, но запомни! Больше ни о чём подобном меня не проси. Выставили чёрт пойми кого террористом и дали слить разведке другой страны.

– Но они ведь теперь считают, что мы им неоценимую услугу оказали, мол, их шпионы не въехали, что к чему, а мы им такой подарок.

– У нас их шпионов нет!

– Да бросьте вы. Война, она ведь не заканчивалась. – «Одна проблема решена, завтра решиться и вторая», подумал Маршал и улыбнулся...

Почему я не пытаюсь ни с кем познакомиться и наладить жизнь? Этим вопросом крысёнок меня хорошо укусил. Даже он не знает моего сокровенного секрета: внутри меня холод и пустота, просто тёмный, длинный тоннель метро, по которому я несусь, расшибаясь возле каждой станции, но, так и не смея взять народ, продолжаю двигаться в бесконеч-

ность, а ведь огонь там совсем не горит. Нет света в конце этого вечного подземного продвижения. Уже давно я не испытывал ярких эмоций, никому не позволяя касаться моего сердца, я дошёл до того, что цинизм и расчёт взяли верх над чувствами и молодым азартом. Интересно, Вепрь был так же пуст, как я сейчас? Нет, конечно, нет... У него был свой оберег, его кусочек счастья в этом мире, лучик света, последний и единственный росток зелёной, полной жизни травы среди асфальта равнодушия, смерти, боли, и каждый день преодолевая самые страшные испытания, он шёл к нему навстречу, умоляя о его сохранности. А у меня в мыслях только моё любимое приведение, которое не говорит со мной, и не понятно, то ли ведёт меня к краю пропасти, то ли помогает выжить в моменты, когда смерть практически полностью обнимает меня.

В понедельник, 15 мая 2017 года я впервые увидел Париж. Мне хотелось появиться за сотни километров от Санкт-Петербурга ближе к полуночи, чтобы избежать лишних вопросов. Итак, 23:00, в путь...

Я совершил прыжок в пространстве. Никакого дискомфорта я не почувствовал, только сильно захотелось курить и закинуть в себя что-нибудь. В потоке прохладного ветра, прямо из воздуха, я появился и упал на траву в чужой стране. Ещё лежа на земле, я огляделся, и каково же было моё удивление обнаружить себя в каком-то грёбанном лесу! На

Париж мой пейзаж явно не был похож. Понимаю, что, скорее всего, это я что-то напутал в координатах, но факт остаётся фактом: я хрен знает где очутился! Эх, вот я так и знал, так и знал, что надо было учить географию в школе. В самом деле, чёрт знает, куда сам себя забросил. Надо успокоиться, как говорил один персонаж из старого всем известного советского фильма, поглаживая себя по груди: «Спокойно, Ипполит, спокойно», правда, меня это не слишком успокаивало. Прислушавшись, я сделал самое невероятное открытие: для леса уж очень громко, да и шум доносился со всех сторон. Автомобили, трасса, шоссе, эврика! А теперь другой вопрос: куда же нам идти? Ой, ладно, как говорил один мой хороший знакомый ещё из университета: «Затащим», в своей протяжном манере и, по-моему, вечно накуренном состоянии. Пойду прямо, точно не ошибусь, ведь когда не знаешь, куда идти, лучше всего идти прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.